

М.С. Годес

ЧТО ТАКОЕ
КЕМАЛИСТСКИЙ ПУТЬ
И ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН В КИТАЕ?

1928

Годес Михаил Соломонович

ЧТО ТАКОЕ
КЕМАЛИСТСКИЙ ПУТЬ
И ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН В КИТАЕ?

Прибой, Ленинград, 1928.

Оглавление

От автора.....	4
Кемалистская революция в Турции.	7
1. Старая Турция. Предпосылки национальной революции. 7	
2. От младо-турецкой к кемалистской революции.	18
3. Новая Турция-политика кемалистской диктатуры.	27
4. Что такое кемалистский путь.	37
Пути китайской революции.	46
1. Китай и мировой империализм.	46
2. Феодалные пережитки в Китае.	62
3. Китай после революции 1911 года (Сущность дуджюната. Гражданская война 1920—1924 гг.)	79
4. Китай после революции 1911 года. (<i>Буржуазия, пролетариат и крестьянство.</i>).....	95
5. Возможен ли кемализм в Китае?	119

От автора.

Всем известно, что в спорах по китайскому вопросу оппозиция пыталась чисто механически перенести опыт 1905 г. на китайскую революцию. Когда на августовском пленуме ЦК и ЦКК Г. Е. Зиновьев был приперт к стенке Бухариным, он вынужден был пойти на «уступки» и признать наличие разницы между Россией 1905 г. и Китаем современным по трем пунктам: а) китайская революция происходит в эпоху мировой и поэтому должна ближе подойти к типу советской революции; б) движение китайского крестьянства выше чем у нас в 1905 г.; в) революция в Китае должна ближе революции 1905 г. подойти к образованию советов. Эти признания служат как раз ярким свидетельством того, что оппозиции абсолютно чуждо понимание особенностей китайской революции, как происходящей в полуколониальной стране со своеобразным социально-экономическим укладом и своеобразным политическим строем. Оппозиция прошла мимо той мысли Ленина, которую он, по вопросу о различиях между угнетающими и колониальными странами, высказал еще на II конгрессе Коминтерна: «Что является самой важной основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие — в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического интернационала особенно важно в эпоху империализма

констатировать экономические факты и при *решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности*». (Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 264 (разрядка наша).)

II конгресс Коминтерна, в резолюции, принятой по докладу т. Ленина, дал общую принципиальную установку по колониальному вопросу. IV конгресс уже встал перед необходимостью дать дифференцированный подход к различным формам национально-революционного движения на Востоке.

Говоря о наличии трех категорий стран на Востоке, докладчик по колониальному вопросу на IV конгрессе, т. Рой, делал такой вывод: «... Как же можно установить для стран с таким различным общественным порядком, с такими различными условиями развития — общую программу или общую тактику для содействия развитию в них революционного движения. Задача IV конгресса состоит в том, чтобы разработать эти основные принципы II конгресса Коммунистического интернационала».

Итак, уже IV конгресс Коминтерна установил необходимость учитывать не только своеобразие колониальных стран, но и отличия одной колониальной страны от другой. Между тем, очень часто приходится наблюдать, как в одну кучу валятся все национальные революции на Востоке. Тот же Г. Е. Зиновьев в своих тезисах по китайскому вопросу, предложенных апрельскому пленуму ЦК, предрекал неизбежность победы кемалистского пути развития в

Китае, в случае... если не будут приняты его тезисы. (У Г. Е. *Зиновьева* аналогия между турецкой и китайской революциями доводится до того, что в тех же тезисах он настаивает на такой вещи: «...вернее всего было бы сравнить нынешний Гоминдан с партией кемалистов 1920 г.».) О наибольшей вероятности развития китайской революции по турецкому типу говорил, в своей речи на VII пленуме ИККИ, турецкий коммунист т. Ферди. (Эту свою ошибку т. Ферди очень скоро исправил, см. его статьи в журнале «*Коммун. Интерн.*» за последний год.) Теоретически эту же возможность допускал такой серьезной знаток китайской экономики как т. Канторович: «... Все только-что сказанное имеет в виду перспективу сравнительно спокойного развития Китая — по образцу Турции, — при котором главное место будет занимать борьба за отмену неравноправных договоров и за приведение в порядок собственного дома». (Канторович, *Иностранский капитал и железные дороги Китая*, стр. 182.)

Что в оценке характера и движущих сил китайской революции нельзя ограничиваться опытом 1905 г., прекрасно доказано в нашей политической литературе. Задача настоящей брошюры — показать, что и аналогии с турецкой революцией столь же поверхностны, что именно китайская революция являет собой пример прямо противоположный тому типу национально-освободительного движения, который мы имели в Турции.

М. Годес.

Декабрь, 1927 г.

Кемалистская революция в Турции.

1. Старая Турция. Предпосылки национальной революции.

Торговые связи между Европой и Турцией существовали со дня основания Османской империи, но до XIX столетия они большого значения в народном хозяйстве не имели. Играя посредническую роль между Европой и Востоком, турецкая торговля вовлекла в сферу своего влияния лишь население нескольких портовых городов. Анатолийское же крестьянство оставалось совершенно незатронутым денежными отношениями и эксплуатировалось методами, типичными для докапиталистических форм хозяйства. Что касается окраин, то те всегда жили своей обособленной жизнью и экономически с империей были весьма слабо связаны.

Разложение натурального хозяйства начинается тогда, когда, под влиянием промышленного переворота в Европе, Турция из посредника, снабжающего европейский рынок восточными товарами, становится сама рынком сбыта для продукции, выбрасываемой промышленными странами Европы. В истории Турции открывается новая страница: в борьбе за свою независимость она должна уже противостоять не только силе

враждебных армий, но и потоку дешевых товаров, оказавшемуся врагом более страшным, чем европейские штыки. Этот перелом падает на первую половину прошлого века, с какого времени и начинается история внедрения иностранного капитализма в Турцию и превращение ее из великой державы в полуколониальное государство.

Не довольствуясь техническими и экономическими преимуществами, вытекающими из самой системы капиталистического производства, европейские правительства, одно за другим, добиваются в Турции еще ряда льгот для своей торговли; во всю используется, так называемый, режим капитуляции, предоставляющий европейским купцам право экстерриториальности и освобождающий их от многих обложений, обязательных для туземных купцов и предпринимателей. Вполне понятно, что местная домашняя промышленность, только начинавшая пускать ростки, была придушена вооруженным и экономическими и внеэкономическими преимуществами европейским конкурентом.

Вся внешняя торговля оказалась, в конце концов, в руках иностранцев, нашедших себе опору внутри страны в лице торговых элементов из национальных меньшинств, как-то: армян, греков, евреев, айсоров. По турецкому законодательству (шариату) не мусульманские меньшинства были свободны от многих податей, ложившихся тяжелым бременем на плечи мусульманского населения; это способствовало тому, что упомянутые меньшинства оказались более

подготовленными к накоплению необходимых для торговли денежных средств; к тому же многие купцы, не мусульмане, переходили в иностранное подданство, с целью использования всех благоприятных режимов капитуляции. Таким образом, внутренняя торговля, по мере ее развития, захватывалась чуждыми национальным интересам меньшинствами, выполнявшими в экономической жизни страны роль агентуры иностранного капитала. Вместе с небольшой примесью турецкого элемента, армянское и греческое купечество образовало влиятельную социальную прослойку, получившую название портовой буржуазии. Эта портовая буржуазия сделалась позже главной опорой контр-революции в приморских районах.

Проникновение иностранного капитала в Турцию и связанный с ним рост денежного хозяйства не прошли бесследно и для аграрных отношений. Феодальная знать в Турции была уничтожена еще в первой половине XIX века Махмудом II, но уничтожение старой землевладельческой аристократии не повлекло за собой уничтожения крупного землевладения. Место старых феодалов заняли представители турецкой бюрократии. Реформы Танзимата при Абдул Меджиде в области аграрной установили право частной собственности на землю, но сохранили феодальные отношения на церковной земле.

Одним из самых чувствительных для крестьянства пережитков феодализма была церковная десятина ушр, (Иногда пишут «ашар» но по мнению авторитетных в этом вопросе правильнее писать

«ушр».) взимающаяся в пользу государства. (Турция до кемалистской революции была теократическим государством. Султан был главой и светской и духовной власти.) С 1834 г. ушр взимался откупщиками (мультезимами), которые на время сбора налога поселялись со своими агентами в деревне и кормились за счет крестьянства. Полный произвол при определении норм, спекуляция на ушре, перепродажа прав и пр. — приводили к тому, что фактически крестьянство уплачивало не одну десятую, а, по меньшей мере, одну седьмую урожая.

Ушр до последнего дня своего существования оставался налогом натуральным. Последнее обстоятельство делало мультезимов главными поставщиками с.-х. продукции на иностранный и внутренний рынки.

В общей сложности, мультезимы, деревенские ростовщики, помещики (беи) — оставляли турецкому крестьянину только одну треть его доходов. Это, повидимому, тот предел эксплуатации крестьянства, дальше которого лежит линия физического вымирания его. Примерно такую же картину можно наблюдать и во французской деревне XVIII столетия, накануне Великой революции, и в современной Индии, и в современном Китае. Проникновение денежного хозяйства в деревню, при сохранении феодальных пережитков в аграрных отношениях, влечет за собой сильнейшую эксплуатацию крестьянства и его разорение и тем самым обрекает на застой производительные силы сельского хозяйства.

И в Турции развитие денежного хозяйства послужило причиной усиления нажима на крестьян как со стороны государства, так и землевладельцев. На почве разорения основной массы крестьянства, в деревне выросла сельская буржуазия ростовщического типа; эта сельская буржуазия, целиком связанная с полуфеодальными элементами в деревне, а через мультезимов и с иностранным капиталом, сама питалась существующими порядками, была реакционной не только по настроению и, естественно, не могла влиять на развитие турецкого сельского хозяйства в сторону его интенсификации. Получив в свои руки, всякими правдами и неправдами, земельный участок, сельский ростовщик сажал на него бывшего владельца на правах половника. При безземельное™ 30% турецкого крестьянства эта кабальная форма аренды была довольно распространенной. Среди беев встречались владельцы двух и более десятков деревень. Дружный напор всех перечисленных выше (ростовщик, помещик, мультезим, чиновник) элементов вел прямо к обнищанию всей массы турецкого крестьянства. Одним следствием этого процесса было образование накапливающихся верхушки в турецкой деревне, действующей под эгидой иностранного капитала, другим — было сужение покупательной способности основной массы турецкого населения и падение производительных сил в том секторе народного хозяйства, который по своему удельному весу занимал первое место. Рядом с разорением турецкой деревни шел процесс финансового закабаления страны иностранным

капиталом. После крымской войны (1853—1855 гг.) Турция заключила в Европе ряд займов, доведших ее, в конце концов, до полной потери финансовой независимости. В 1876 г. одни проценты по займам достигли чудовищной для турецкого бюджета цифры в 14000000 фунтов. Очутившись на краю гибели, турецкое правительство вынуждено было согласиться на создание «Иностранной администрации государственного долга» и передачу ей самых доходных статей государственного бюджета. Иностранный капитал, несмотря на широкое свое проникновение в Турцию, мало занимался там индустриализацией страны. Он пошел по линии менее хлопотной. Об этом можно судить по распределению французских вложений. Из 2500000 франков, суммы изрядной для Турции, в промышленность, а именно, в угольные копи, было вложено 6000000 франков, в то время как в государственные бумаги — на сумму 1300000 франков. Нельзя отрицать исключительную роль иностранного капитала в строительстве железных дорог, но как раз при жел.-дор. строительстве интересы развития 10 народного хозяйства учитывались в последнюю очередь. Ведя от портовых центров на небольшое расстояние вглубь страны, дороги обслуживали главным образом иностранную торговлю и были главнейшими каналами, по которым распространялось влияние капиталистических колонизаторов. Но если хозяйничанье иностранного капитала имело своим прямым результатом обнищание и закабаление страны, то в то же время оно не могло не содействовать, вольно или неволью, пробуждению

тех сил, которые позже стали оспаривать у пришельцев право эксплуатации турецкого народа. Вокруг развивающейся торговли, вокруг разложения натурального хозяйства в деревне шел процесс первоначального накопления, появились новые классовые группировки, стала на рождаться туземная буржуазия. Но этому младенцу суждено было неприятное детство. Даже само появление его на свет было сопряжено со многими трудностями. Не говоря уже о неслыханных льготах, которыми пользовался иностранный капитал в Турции и которые преграждали дорогу туземной промышленности, — вставлением палок в колеса национальной буржуазии занималось еще само оттоманское правительство во главе с кровавым султаном, Адбул-Гамидом. Учреждению туземных промышленных предприятий чинились всяческие препятствия. Боясь постоянно заговора и пуще всего опасаясь изпользования заговорщиками технических усовершенствований, султан дошел даже до запрещения телефонов и электрического освещения. В борьбе молодой турецкой буржуазии за место под солнцем, правительство, будучи игрушкой в руках великих держав, открыто оказалось не другом и охранителем, а врагом. Деспотическая по своему существу, монархия не могла и в мысли допустить участия в управлении государством общественной инициативы. Конституция, данная вслед за дворцовым переворотом 1876 г., была попра на второй же день. Страна управлялась сверху донизу старой бюрократией, старавшейся не отставать от иностранцев в деле ограбления народных масс. Хотя

дворянства в европейском смысле этого слова Турция не знала, но высшие должности в государстве были закреплены за определенными кадрами, фактически составлявшими привилегированное сословие. Опираясь на полуфеодальные группы в деревне, реакционное духовенство и портовую буржуазию, государство было чуждо интересам прогрессивных элементов. Поэтому для последних завоевание политических прав становилось первейшим условием экономического процветания. Между тем, международное положение Османской империи ухудшалось с каждым годом. Наследство «больного человека» на всем протяжении новейшей истории было главным предметом дипломатической торговли. И если Турция продолжала существовать как самостоятельное государство, то благодаря тому, что еще с середины XIX столетия вокруг турецкого вопроса установилось некоторое равновесие сил. Царская Россия в своей экспансии на Ближнем Востоке наталкивалась на упорное сопротивление со стороны Англии и Франции, боявшихся чрезмерного усиления своего восточного соперника, который при дележе добычи, благодаря своей близости, мог бы оттянуть львиную долю. Не из «традиционной», разумеется, любви к Турции исходили правительства Англии и Франции, когда отстаивали единство Османской империи. Но именно эти державы до поры до времени мешали старой России стать «ногую твердой» на Дарданеллах. Об этом наиболее ярко свидетельствует не только Крымская кампания, но и тот факт, что и в 12-й войне 1877—1878 гг. английские броненосцы своим появлением в Черном море помешали

окончательному разгрому турецкой армии и занятию Константинополя. Историческое равновесие нарушилось с появлением в игре нового важного партнера — Германии. Со всей энергией и напористостью молодого хищника, германский империализм, появившись в Турции лишь в начале XX века, успел в одно-полтора десятилетия закрепить за собой такие позиции, которые грозили матерым империалистам лишением плодов работы за целое столетие. Нуждаясь в объекте для приложения своих капиталов, Германия, в отличие от других империалистических стран, сразу же устремилась по линии развития производительных сил страны. Ее капиталы вкладывались в разработку угольных копей, железных руд и постройку больших железных дорог. Рост доли Германии в турецком импорте выразился в 138% за десятилетие 1896 —1906 г., в то время как за этот же период доля Англии поднялась только на 39% и Франции на 22% и только одна Италия по темпу почти не отставала от Германии (133%). Появление Германии спутало все карты в ближневосточной игре. Раздел Турции сделался актуальнейшим вопросом международной политики. Быть или не быть Турции, так стоял вопрос накануне мировой войны. В 1911 г. в результате италийно-турецкой войны Турция теряет Триполи. В 1912 г., в балканской репетиции великой войны, Турции был нанесен удар в ее европейских владениях и, наконец, в 1913 г. вопрос о разделе Османской империи был дипломатическим путем уже согласован между представителями Антанты. 8 февраля 1914 г. на совещании царских министров в Петербурге Сазонов сказал: «Война за

Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны».

Естественно, что с началом мировой бойни представитель царской России в Константинополе г. Гире приложил все усилия, чтобы втравить в войну и Турцию. Ведь для России главным призом войны был Константинополь и проливы, а взять его можно было только вооруженной рукой — об этом Сазонов довольно вразумительно выразился за полгода до войны. Как известно, провокация эта прекрасно удалась, причем усиленную помощь г. Гирсу в этих честных трудах оказал его германский коллега. Для Турции война кончилась Севрским договором, т. е. полным ее порабощением. Достаточно указать на то, что по договору она теряла больше 2/3 своей территории и 3/5 населения. Константинополь, номинально оставаясь турецким городом, фактически под пал под власть оккупантов; вместе с Константинополем Турция потеряла суверенитет над проливами. От бывшей империи осталась только истощенная бесконечными войнами Анатолия. Общий же итог истории Турции к концу мировой войны был таков. Полная потеря экономической и политической независимости. Вся внешняя торговля страны сосредотачивалась в руках иностранного капитала, а внутренняя — в руках его агентов. То же можно сказать о зарождающейся промышленности. Крестьянство, разоренное войнами, непосильным податным бременем и хозяйничаньем в деревне помещика и ростовщика, до того обнищало, что не в силах было даже думать о поднятии своего хозяйства, вследствие чего ни о каком прогрессе

производительных сил деревни говорить не приходилось. По причине той же нищеты в деревне и чрезвычайно низкой покупательной способности ее населения, внутренний рынок сузился. Государство же при всем этом служило верным орудием в руках всех реакционных элементов, в своей значительной части чуждых национальным интересам: землевладельцев, духовенства, бюрократии, иностранной и портовой буржуазии. Заботясь прежде всего о сохранении своих привилегий, правящая верхушка неспособна была противостоять напору со всех сторон империализму и вынуждена была играть роль проводника его интересов, иначе говоря, государственный аппарат переродился в силу антинациональную. При таком положении вещей Севрский договор нанес последний удар тому зданию, процесс разрушения которого и так подготавливался всем предыдущим ходом вещей. Турецкий народ должен был или примириться со своей судьбой и перестать существовать как самостоятельное целое, или же силой разрушить все преграды, ставшие на пути его развития, т. е. освободиться от иностранного гнета, экономического и политического; от закостенелой и продажной монархии; от всех феодальных пережитков в деревне, мешающих ее экономическому росту, а с ним и развитию всего народного хозяйства. Иными словами, если спасение для турецкого народа было возможно, то исключительно на пути национально-буржуазной революции. Интересы иностранного капитала так тесно переплетались с интересами господствующих классов и правящей династии, что борьба против

одного неразрывно была связана с борьбой против другого. Турецкому народу пред стояло решить одновременно задачи и национальной и буржуазной революции.

2. От младо-турецкой к кемалистской революции.

Первая попытка национальной революции в Турции была сделана в 1908 г., когда появление германского империализма на Ближнем Востоке заставило европейскую дипломатию почти открыто заговорить о ликвидации Оттоманском империи.

Руководство движением 1907—1908 гг. выпало на долю организации, созданной еще в 90-х годах в эмиграции и, по существу; представлявшую скорее тайное общество, чем партию. На другой день после свержения кровавого режима Абдул-Гамида эта организация «Единение и прогресс» («Иттихад вэтэрекки») возглавила новую власть. Задачи, какие себе ставили младотурки, видны из следующего их заявления: «Осуществление наших требований выведет все национальности из угнетенного положения, уничтожит междуплеменной антагонизм, освободит страну от постоянного вмешательства иностранных держав, сохранит национальные богатства, расхищаемые в виде разных концессий, и даст возможность свободного развития родной промышленности». Национально-буржуазный характер этих требований очевиден и в комментариях не нуждается.

Но когда от декларирования задач настала пора перейти к их осуществлению, младотурецкое правительство обнаружило полную свою импотентность. Слишком слаба была еще туземная буржуазия в 1908 г., чтобы решить те, действительно, великие задачи, которые перед ней стояли. Очень скоро новая власть, как и вся партия иттихадистов стала орудием тех сил, против которых она призвана была бороться. «Осуществление наших требований... освободит страну от постоянного вмешательства иностранных держав...». Но в 1908 г. мировой империализм был в расцвете своих сил, он только распускал когти, и турецкая революция была ему не страшна. Хотя такой поборник либерализма и конституционализма, как Милюков, был не весьма доволен конституционной Турцией, для его великодержавных целей удобнее была Турция Абдул-Гамида.) Будучи не в силах бороться по-настоящему против иностранного засилья, младотурки сами после небольшого романа с Антантой (Англия, Франция) взяли твердую ориентацию на Германию, т. е. попросту сделались орудием ее политики на Ближнем Востоке. Обещание «сохранить национальные богатства, расхищаемые в виде разных концессии», оказалось пустым звуком. Межплеменной антагонизм не только не был уничтожен, но как раз младотурки сделали все возможное и невозможное для усиления национальной розни. Являясь представителями туземной буржуазии, они пытались в борьбе против экономически влиятельных меньшинств опереться на идею паноттоманизма, идею полного поглощения инородного элемента турецким, не гнушаясь

прибегать и к панисламизму, как орудие своей политики. Младотурки, по одному весьма удачному выражению, «одеди чалму на конституцию».

В аграрном вопросе они явное предпочтение оказывали феодальным элементам, проведя реформу в пользу македонских помещиков, и это несмотря на то что феодалы были самыми заклятыми врагами новой власти и организаторами ряда контр-революционных восстаний. Неумение и нежелание считаться с интересами крестьянства видно из того, что младотурецкое правительство даже узурпировало в пользу государства и ту небольшую долю ушра, которая до сих пор шла на удовлетворение некоторых местных нужд.

Если к этому прибавить меры новой власти, направленные против рабочего класса, то мы придем к выводу, что революция 1908 г. не решила ни одной задачи поставленной перед ней историей. Виной этому была не только сила мирового империализма в 1908 г. не только слабость туземной буржуазии, которая, несмотря на поощрительную политику новой власти, в силах была расправить крылья, но и тот чрезвычайной важности факт, что революция 1908 г. не вскользнула всей толщи анатолийского крестьянства, ее циаальный базис был узким, она охватила только мелкую и среднюю буржуазию городов, немногочисленные тогда пролетарские элементы и часть армии.

Решение таких задач, какие стояли перед турецкой революцией, возможно было лишь в результате массового революционного движения. Такое

движение было подготовлено войной 1914—1918 гг., или, правильнее будет сказать, 1911—1918 гг., потому что Турция воевала почти непрерывно со времени триполитанской войны.

Гибельные последствия войны еще раз обнаружили полную неспособность правящей верхушки, обанкротившейся как во внутренней, так и во внешней политике. Полное разорение и обезлюдение Анатолии придало классовым противоречиям в стране небывалую остроту. Последовавший за военным разгромом раздел империи, откровенная до цинизма политика удушения целого народа, выраженная в Севрском договоре, а ранее в условиях перемирия, — разрядили все накопившиеся противоречия в одном направлении, в сторону борьбы за национальную независимость и национальную целостность.

К тому же война необычайно повысила удельный вес туземной буржуазии. Неожиданно она (буржуазия) оказалась освобожденной от всех своих конкурентов. Вся тяжесть и ответственность экономического ведения войны выпала на ее долю. Прежде всего за время войны значительно выросла промышленность, а с ней окрепла и промышленная буржуазия; заметно расширился торговый аппарат и, вследствие устранения с турецкого рынка русского и американского хлеба, увеличилась товарность сельского хозяйства. Причем особенно сильно выдвинулась анатолийская буржуазия, т. е. национальная.

Следовательно, мы в 1919 г. имеем в Турции, по сравнению с 1903 г., не просто рост классовых

противоречий, но и заметный перелом в соотношении классовых сил в стране в смысле резкого усиления удельного веса молодой буржуазии.

Национально-революционное движение против оккупантов, вылившееся в борьбу против султанского правительства, началось непосредственно после окончания войны, причем первые брожения охватили демобилизуем армию. В провинции созывается ряд конгрессов, выносящих один за другим решения о борьбе против территориальных притязаний армян и греков и за нераздельность Турции в этнографических границах. Общенациональный конгресс, состоявшийся в сентябре 1919 г. в Сивасе, полностью принял программу предыдущих конгрессов, дополнив ее пунктом о неотчуждаемости Моссульского вилайета, богатого нефтью. В январе 1920 г., после капитуляции султана, созывается парламент, давший подавляющее большинство националистам. Декларация национального договора, принятая парламентом, по существу повторяет решения Сивасского национального конгресса.

Излишне говорить о том, что ни султан, ни союзники с таким парламентом под боком мириться не могли. 16 марта английские войска оккупировали Константинополь и произвели ряд арестов среди националистов, членов парламента по преимуществу, парламента же разогнали. Тем временем внутри страны шла лихорадочная работа по организации революционной армии и революционной власти. После разгона парламента началась вооруженная

борьба сначала против султанского правительства, а затем и против империалистов.

В мои задачи не входит изложение истории героических лет, когда, окруженный почти со всех сторон врагами, турецкий народ, истекая кровью, боролся не на жизнь, а на смерть за свою независимость.

Заслуживает быть отмеченной твердость, проявленная националистами как в организации власти, так и в самой гражданской войне. Беспощадная расправа с партизанщиной в тот момент, когда она грозила захлестнуть армию, перестраиваемую на началах регулярности; умелость и решительность, проявленная в борьбе за сохранение оружия и боевых припасов, несмотря на то, что согласно условиям перемирия они должны были перейти в руки союзников; счастливое и смелое решение о ликвидации провинциальных отделений Оттоманского банка, благодаря чему правительство получило значительные средства, необходимые на ведение войны, — все это свидетельствует о незаурядных талантах и воле тех лиц, которые возглавляли в этот период борьбу турецкого народа. Особенно следует подчеркнуть роль организатора армии и политического вождя буржуазии Мустафы Кемаля — фактического диктатора революционной Турции.

Своей победой турецкая революция обязана не только талантам своих руководителей и даже не только беззаветному героизму, проявленному революционной национальной армией в войне с

греками и стоявшими за их спиной англичанами. Еще два обстоятельства оказали большое влияние на исход борьбы: это процесс разложения, охвативший лагерь победителей на другой день после заключения перемирия, во-первых, и влияние первого в мире пролетарского государства — СССР, во-вторых.

С выходом из строя империалистической России вакантное место главного претендента на турецкое наследство заняла Англия. Она теперь выступает главным застрельщиком расчленения Турции, она является наиболее непримиримым врагом ангорского правительства, она организует и финансирует греческую интервенцию. Отличную от британской позиции занимают Франция и Италия. Первая была заинтересована в Турции, главным образом, банковым капиталом. Территориальные ее приобретения в бывшей Османской империи не оспаривались Ангорой. Моссульский район Франция без излишних споров уступила Англии, т. к. французские дипломаты обнаружили слабые познания в географии. («Если бы я имел представление о важности Моссула и Месопотамии, я их не согласился бы вам уступить; если бы вы мне сказали, что уступка Месопотамии повлечет за собой потерю громадной территории, я бы вам в этом отказал». — *Клемансо-Ллойд-Джорджу*. Из протокола заседания мирной конференции от 21/V (цит. по *Кайзеру*, Европа и Новая Турция, 1925 г., стр. 25).) Опасаясь перехода проливов и Константинополя в руки Англии, так как это, помимо всего, привело бы к установлению британской гегемонии на Средиземном море и на Балканах, Франция начинает заигрывать с ангорским правительством.

Французский буржуазный писатель Ж. Кайзер в работе «Новая Турция», на ряду с громкими фразами об исконной дружбе, питаемой Францией к исламу, нечаянно выбалтывает причину той поспешности, которую Франция проявила в признании Ангоры! Оказывается, что особенную настойчивость в заботе о мире в Малой Азии проявил маршал Лиотэ, французский наместник в Северной Африке. Ни для кого не секрет, что в это время назревало восстание в Марокко, и благоразумный маршал хотел иметь армию незанятой.

Позиция Италии определялась, во-первых, ее полной истощенностью в результате войны и обострением классовых конфликтов внутри страны, во-вторых, тем, что в Версале она оказалась обойденной при дележе добычи и не могла, по своей тогдашней слабости, надеяться на большие приобретения в Малой Азии и, в-третьих, нежеланием встретиться с новым сильным соперником, который в лице Греции должен был по явиться на Ближнем Востоке в случае сокрушения национального движения, так как Греция в это время была главным козырем британского империализма против Турции. (С того времени интересы и политика этих держав на Ближнем Востоке подверглись коренному изменению. В частности, позиция воинствующего итальянского империализма теперь является наиболее агрессивной по отношению Турции. Недаром Муссолини и Чемберлен так часто поют дуэтом в мировом концерте.)

Как бы там ни было, соглашение между Францией и Ангорой от 7/III 1921 г., а затем признание ангорского правительства соглашением от 9/X 1921 г., а также итало-турецкое соглашение от 8/III 1921 г., с обязательством Италии отстаивать возвращение Смирны, — оказали громадное влияние на ход событий. Они сигнализировали распад единого империалистического фронта против национальной революции в Турции и были началом ряда ссор и дипломатических конфликтов в лагере победителей.

Совершенно неопределимое значение для победы революции имело второе, отмеченное мною обстоятельство — существование Советской России. В ее лице Ангора имела вполне обеспеченный тыл. Оттуда она постоянно черпала моральную поддержку, а иногда и материальную помощь. Договор «о дружбе и братстве», заключенный в Москве в марте 1922 г., был первым равноправным договором Турции. Он произвел огромное впечатление как в самой Турции, так и на всем угнетенном Востоке, показав и тем, кто собирался произнести смертный приговор над независимой Турцией, что народы бывшей Российской империи, добившись национального освобождения у себя дома, не смогут равнодушно отнестись к удушению турецкой революции. Громадную поддержку Турции оказала и позиция нашей делегации на Лозаннской конференции, где туркам удалось отстоять почти все пункты национальной декларации, за исключением вопроса о Моссуле и проливах.

Все это дает нам право сделать вывод о том, что успехи национальной революции в Турции многим обязаны той благоприятной внешней обстановке, которая сложилась в 1920 — 1923 гг.

3. Новая Турция-политика кемалистской диктатуры.

Социальная ломка в Турции началась, собственно, после окончания национально-освободительной войны. Верная своему лозунгу: «Прежде закончить войну, потом реформы» — буржуазия, ставшая у власти, ничего не предпринимала в области социальных реформ до конца 1922 г. Важнейшим актом Национального собрания в сфере политических преобразований явилось превращение Турции из абсолютной теократической монархии в республику. Постановление о низложении султана и отмены султаната было вынесено 1 ноября 1922 г., а 29 октября 1923 г. была официально провозглашена республика и установлена коллективная ответственность министров. Первым президентом республики был избран Мустафа Кемаль паша. Но сохранение за бывшим султаном звания халифа, т. е. главы мусульман, делало эту реформу неполной. Пока в Константинополе сидел халиф, опасность реставрации была довольно реальной. Декретом от 3 марта 1924 г. об отмене халифата, политическая революция в Турции может считаться завершённой. Заодно с халифатом были ликвидированы вакуфы (Принадлежавшие церкви и духовенству земли.) и тем самым из-под ног духовенства и его главы была выбита материальная база. Из других реформ должны

быть отмечены: реформа школы, переданной из рук духовенства в министерство просвещения, и замены духовной юрисдикции светской. Рядом с этим был задуман широкий план бытовых реформ и в частности таких, которые привели бы к раскрепощению женщин, наиболее отсталого и угнетенного слоя турецкого народа. Феска и чадра были похоронены. Начало реформаторской деятельности ангорского правительства было в то же время началом конца единого национального фронта. «Комитеты защиты прав» объединяли самые разнородные элементы, охваченные идеей борьбы за независимую Турцию. После победы над греками «Комитеты» стали переживать процесс поправения, приведший к расколу в национальном лагере. Когда напуганные первыми реформами реакционеры образовали свою группу (80 чел.) в межджисе, последний был немедленно распущен (апрель 1923 г.), а вслед за ним были ликвидированы «Комитеты защиты прав», ставшие цитаделью правых. Группы, политически верные Кемалю, образовали Народную партию — («Халк Фыркасы»), первую в Турции политическую партию, близкую к европейскому значению этого слова. Правые образовали прогрессивно-республиканскую партию, отныне вдохновительницу турецкой контр-революции. Особенно ярко твердая политика кемалистов проявилась в беспощадном и быстром подавлении восстания в Курдистане. Изгнав из правительства реакционеров с премьером во главе, Национальное собрание заменило его Исмет пашой, правой рукой Кемаля. Новое правительство было облечено диктаторскими полномочиями. Ему было

дано задание ликвидировать восстание в кратчайший срок. Все политические дела были переданы ведению чрезвычайных трибуналов. Деятельность прогрессивной партии была приостановлена, а затем, после раскрытия заговора на жизнь Кемаля, была разгромлена и сама партия (1925 г.). Буржуазная природа кемалистской диктатуры сказалась не только в твердом курсе по отношению к контр-революции, но и в еще более жесткой линии по адресу рабочего класса и компартии. После зверской расправы фанатической толпы в Трапезунде над вождем турецкой компартии т. М. Субхи и его спутниками, турецкие коммунисты подвергались непрерывным преследованиям, и был момент, когда чуть ли не вся партия сидела в тюрьмах буржуазной Турции. Ставка же ангорского правительства на зубатовскую компартию оказалась битой, и после крушения этой затеи, коммунизм в Турции был фактически поставлен вне закона. В области аграрной, кемалистская власть сделала очень много, но не все. И во время войны и после, Кемаль часто щеголял изречением: «Крестьянин — хозяин Турции». Насколько этому соответствует нынешняя действительность турецкой деревни и аграрная политика Кемаля (не на словах, а на деле) — видно из следующего. Прежде всего национальное правительство не произвело коренной ломки в формах землевладения. Полу-феодал-помещик сохранился по сей день. О боязни и нежелании затронуть землевладельца свидетельствует между прочим такой факт: ликвидация восстания в Курдистане была, казалось, самым удобным моментом для борьбы против феодального

землевладения, так как многие помещики восточных вилайэтов были замешаны в восстании; кемалистское правительство очень свирепо расправилось с контр-революционерами, но не посмело нанести сокрушительный удар контр-революции в самое сердце, что можно было сделать уничтожением крупного феодального землевладения вообще.

Итак, мы не имели в Турции аграрной революции. Политика кемалистов в этой области ограничилась аграрной реформой. Реформы же были проведены довольно серьезные. На первом месте стоит отмена ушра. Вопреки яростному сопротивлению тех элементов, которые вокруг этого налога наживались, несмотря на то, что в бюджете он занимал около 30%, ушр все же был уничтожен. Положение турецкого крестьянства после 12 лет войны было настолько плачевным, что одними обещаниями и декларациями кормить его было уже нельзя. Взамен ушра крестьянин платит небольшой поземельный налог и налог на скот. Косвенные налоги, в силу неизжитости натуральных форм хозяйства в турецкой деревне, затрагивают крестьянство не особенно сильно.

Из мелких, но важных для крестьянства реформ отметим: право бесплатной рубки леса на личные нужды крестьянства в течение трех лет (в случае отсутствия государственных лесов разрешается нарезка из частновладельческих); закон от 31 октября 1921 г. об отсрочке на два года уплаты долгов с.-х. банку в освобожденных местностях; распределение посевных семян и перевод средств с.-х. банку на нужды кредитования; бесплатное распределение

скота (из армейского имущества); наделение землей турок, высланных из Греции, и т. п. Характерно, что выходцы из Греции получали земельный надел в том случае, если они и там были собственниками.

Много забот проявлено национальным правительством в деле развития производительных сил и товарности сельского хозяйства. В соответствии с этими задачами и железнодорожное строительство новой Турции рассчитано на то, чтобы связать плодородные производящие районы внутренней Анатолии с морскими портами. Всячески поощряется развитие технических культур. Крестьянские хозяйства, применяющие научные приемы обработки, совершенно освобождаются от налогов. Разбогатевшими за время войны фермерами создаются хозяйства нового капиталистического типа, с применением новой техники. Не отстают от них и депутаты, государственные чиновники, офицеры национальной армии во главе с самим героем и диктатором современной Турции — Мустафой-Кемалем. Последний теперь является крупным землевладельцем, владеющим помимо земли еще масложировыми и сыроваренными заводами, фабриками по переработке шерсти, тракторами и пр. На одной только ферме у него пасется около 36000 овец.

Аграрные и налоговые реформы сказались не только на росте крупных хозяйств фермерского типа. Не подлежит оспариванию факт общего подъема сельского хозяйства за последние годы. Это видно хотя бы из того, что площадь обрабатываемой земли

достигла в 1926 г. довоенного уровня. Но подъем этот неравномерен по отдельным социальным группам турецкой деревни. Положение маломощных элементов остается до сих пор катастрофическим. Все вышеперечисленные реформы помогли им залечить только наиболее зияющие раны.

Однако, при сохранении в деревне ростовщика и помещика положение бедноты остается беспомощным. Кредитная политика государства целиком рассчитана на удовлетворение нужд зажиточных хозяев. Малейшее же движение крестьян против беев подавляется со всей решительностью, на какую только способна кемалистская диктатура. Турецкое крестьянство и при кемалистах разоряется, но производительные силы сельского хозяйства, несмотря на это, растут, благодаря тому; что старые формы эксплуатации деревни заменены в буржуазной Турции методами капиталистическими. Рост производительных сил сельского хозяйства дается при этом ценой пролетаризации основной массы турецкого крестьянства.

Главным предметом попечений национального правительства является не сельское хозяйство, а промышленность. Хотя налоговая политика Ангоры построена таким образом, что основная масса налогов падает на городское население, но в конечном итоге буржуазия выигрывает и здесь. Из года в год турецкое правительство вводит все большие суммы на кредитование промышленности, так что промышленная буржуазия в виде кредитов получает обратно то; что уплатой налогов отдает государству.

Таким образом налоговой аппарат Турции по своим функциям выполняет роль насоса для перекачки средств от мелкой городской буржуазии и пролетариата в карманы крупной. На ряду с крупной буржуазией от нынешней налоговой политики кемалистов выигрывает и крестьянство.

Представление об общем экономическом подъеме Турции после войны можно получить по данным о росте внешней торговли.

Внешняя торговля в тысячах бум. лир.

	1923		1924		1925	
Импорт	144789	100%	193611	134%	241956	167%
Экспорт	84651	100%	158678	187%	193903	223%

Здесь обращает внимание как значительный для такого короткого периода рост внешней торговли так и более быстрый темп развития экспорта. Вывоз за 1925 г. почти на 30 млн лир выше вывоза из соответствующих районов Оттоманской империи за 1911 г.

Вопросам промышленного развития национальное правительство уделяет исключительное внимание. В особенности много сделано в области жел.-дор. строительства. Отказавшись от кабальных условий, предлагаемых иностранным капиталом, Турция должна была исходить из собственных своих сил и средств. Пришлось прибегнуть к громадному напряжению бюджета. За 1924 -27 г. было отпущено

государственных средств на жел.-дор. строительство 34582000 лир. Теперь практикуется широкое привлечение к этому делу туземного капитала и, в ограниченных размерах, иностранного. План жел.-дор. сооружений построен на соображениях, вытекающих из интересов развития национального хозяйства в целом. Новые дороги связывают портовые центры с районами развивающейся промышленности: обрабатывающей и добывающей. Пока же промышленность развивается по линии легкой индустрии (текстильные фабрики; предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственных продуктов). Предприняты шаги к созданию металлургической промышленности.

С этой целью учреждено даже специальное управление.

Развивая национальную промышленность, правительство исходит прежде всего из учета внутренних ресурсов как финансовых, так и сырьевых. Проводится политика жесткого протекционизма, который доходит до того, что государственным чиновникам вменяется в обязанность носить платья исключительно из туземных тканей. В общем, роль государства в экономической жизни страны чрезвычайно велика. Участвуя во многих предприятиях своими капиталами, оживляя средствами своего бюджета целые отрасли промышленности, государство старается внести плановое начало во все народное хозяйство. Существуют даже два планирующих

органа: один для сельского хозяйства, другой для промышленности.

По существу мы имеем в экономике современной Турции своеобразный госкапитализм. Только вмешательство государства в хозяйственную деятельность отдельных капиталистов и руководство этой деятельностью вызвано отнюдь не стремлениями принципиального порядка. Как и в Германии эпохи войны, турецкий госкапитализм явился результатом временных обстоятельств. Кемализм стремится во что бы то ни стало создать национальную промышленность в условиях технической, экономической и культурной отсталости Турции. Слабый турецкий капитализм вынужден еще ходить на костылях, подставляемых ему "государством. Как только молодец станет крепко на свои собственные ноги, костыли будут сняты — государство уйдет из промышленности. А пока что турецкая буржуазия весьма довольна опекой над ней. Это, действительно, отцовская опека. Она безусловна полезна и до известного возраста приятна. Без жесткого протекционизма национальная промышленность не могла бы и мечтать о закреплении за собой твердой позиции на внутреннем рынке.

Внешняя политика Ангоры в годы войны строилась на дружбе с РСФСР. Первый крен в сторону Запада произошел на Лозаннской конференции, когда турецкая делегация по важнейшему вопросу, затрагивающему жизненные интересы СССР (о проливах), пошла на удовлетворение империалистических требований, не использовав в

этом случае полностью той поддержки, какую она имела в лице нашей делегации.

Колебаний во внешней политике Турции за последние годы было много, но о полном повороте пока говорить не приходится. Это отчасти объясняется выжидательной позицией иностранного капитала в отношении Турции. По окончании войны Кемаль на митинге в Бруссе протянул-было руку иностранному капиталу: «Наша страна, — говорил он, — лишена путей сообщения. Селения в бедственном положении. Города разрушены. Заводов и фабрик нет. Недра не разрабатываются и мы не в состоянии их разработать. Поэтому необходимо допустить вторжение в нашу страну иностранного капитала в *безвредной для нас* мере». (Разрядка наша.) Проникать «в *безвредной мере*» иностранный капитал считал невыгодным для себя, а турецкая буржуазия, руководимая кемалистами, справилась в основном сама с восстановлением разрушенного войной хозяйства.

В 1927 году, в связи с заминкой, наступившей в темпе хозяйственного развития страны, турецкое правительство приоткрыло двери для иностранного капитала. Расширение экономических связей с капиталистической Европой, надо думать, не окажется бесследным и для внешней политики ангорского правительства. Самой опасной для турецкой самостоятельности политикой был бы путь заключения займов в Европе или Америке. Всем известно, что банкиры не дают денег без того, чтобы не получить политической взятки. Между тем шаги в

этом направлении националистами делаются. В общем внешняя политика кемалистов сегодняшнего дня может быть характеризована, как политика двойственная, имеющая некоторые общие черты с международной политикой Германии, тоже лавирующей между ориентацией на Восток, т. е. СССР, с одной стороны, и ориентацией на Локарно, т. е. на Запад — с другой.

4. Что такое кемалистский путь.

Решила ли кемалистская диктатура все задачи, которые были поставлены перед национальной революцией в Турции?

Для ответа на этот вопрос необходимо напомнить, что перед турецкой революцией, как и перед всякой национально-буржуазной революцией, стояли следующие основные задачи: 1) освобождение от империалистического гнета; 2) сломка старой политической системы; 3) разрушение феодальных отношений в деревне и расчистка пути для капиталистического развития страны.

Первая и вторая задачи, как мы видели, решены полностью, третья — частично. Но если в дореволюционной Турции переход от докапиталистической к капиталистической форме хозяйства наталкивался на непреодолимые препятствия, то в Турции современной никаких серьезных преград перед капиталистическим развитием страны нет. С точки зрения буржуазной революции, кемалистская диктатура решила все

основные задачи. Все, что сковывало зарождающуюся национальную промышленность, устранено. И если в турецкой деревне сохранился помещик-феодал, то рядом с ним вырастает землевладелец-предприниматель, да и многие помещики, особенно молодые, затронутые новыми веяниями, начинают помещать земельную ренту в капиталистическое земледелие, в кредитные учреждения и даже в промышленность. В турецкой революции мы имеем редкий пример, когда буржуазия собственными силами доводит до конца борьбу со старым порядком, когда сама буржуазия не гнушается применением «Плебейских» методов (денежная контрибуция на зажиточные слои на нужды войны, террористическая деятельность против контр-революции и т. д.).

Движущей силой турецкой революции был союз туземной буржуазии и анатолийского крестьянства. На долю последнего выпала вся тяжесть борьбы, но роль гегемона в движении все время оставалась за буржуазией. Забитое, доведенное до крайности вечными войнами и бесчисленными поборами, турецкое крестьянство готово было идти за кем угодно, кто поведет его против ненавистных и невыносимых порядков. Так как в эксплуатации турецкого крестьянства принимал всегда прямое участие и государственный аппарат, то буржуазии сравнительно легко удалось направить крестьянскую массу на борьбу с султаном, а затем и против иностранной интервенции. Благодаря этим обстоятельствам турецкой буржуазии удалось предотвратить классовую войну в деревне, хотя

анатолийский крестьянин время от времени все же поглядывал штыком в сторону беев.

Гегемония турецкой буржуазии в национальном движении обусловлена еще тем, что никаких соперников внутри страны она не имела. Турецкий пролетариат был еще слишком слаб, чтобы претендовать на руководящую роль в революции. Промышленного пролетариата в собственном смысле этого слова в Турции во время революции не было. В 1923 г. насчитывалось всего 110000 рабочих. Из них 76216 было занято на 33058 предприятиях. Это говорит о страшной распыленности и той горсточке рабочих, которая имелась в Турции. Единственный город в Турции, насчитывающий среди своего населения десяток тысяч живущих наемным трудом, Константинополь оказался в стороне от революционных событий. Вся борьба развернулась в Анатолии. Константинополь замер под сапогом оккупантов. В своих воспоминаниях Мустафа-Кефаль-паша пишет о жизни Константинополя в период оккупации: «Улицы Константинополя были полны вооруженными солдатами. Синие волны Босфора были покрыты вражескими кораблями, пушки которых были направлены направо и налево. Никто не выходил из дому, разве только в случаях крайней необходимости. Во избежание обид и оскорблений, двигались по улицам, прижимаясь к стенам. Несмотря на это в сценах притеснений и оскорблений населения не было недостатка. Весь Константинополь и сотни тысяч его обитателей казались умершими. Не слышно было во всем городе иной речи, кроме вражеской, и не видно было дружих

знамен и оружий, кроме неприятельских». Ни о каком политическом движении в такой обстановке говорить не приходится.

Основная масса турецких рабочих носила на себе печать цеховой ограниченности. До начала XX века состав цехов был по преимуществу армянским или греческим. Разорение деревни, создав приток крестьян в города, подготовило почву и для чисто турецких цехов. Но последние были самыми отсталыми по своему составу. Организованные по принципу землячеств, они не имели постоянного состава и чуть ли не в порядке очереди пропускали все население своей деревни, ищущее заработка в городе.

Итак, ни численность турецкого пролетариата, ни степень его организованности, ни политический уровень не позволяли ему занять первое место в рядах национальной революции. Отсутствие в стране массового революционного пролетарского движения делало, с другой стороны, буржуазию менее опасливой. Если в условиях сопровождения буржуазной революции пролетарским движением буржуазия всегда оглядывается назад и ищет компромисса с реакцией, то в Турции обеспеченность левого фланга послужила причиной тому, что буржуазия сама решительно покончила как с иностранным гнетом, так и со старой монархией.

Руководство национально-освободительным движением турецкая буржуазия осуществляла не через широкую политическую партию, а через единоличную военную диктатуру. До 1923 г. мы настоящей политической партии в Турции не имели.

Созданная в 1923 г., народная партия широких связей в массах не имеет. Насчитывая 2-3000 членов, она имеет актив в 500 человек, не более. Личная верность Кемалю является одним из основных принципов этой партии.

Политическая незрелость туземной буржуазии вполне объяснима. Оформившись только в процессе революции, она была лишена и политических традиций и политического опыта. Режим Абдул-Гамида был плохой политической школой. В то же время вся история последних десятилетий старой монархии неуклонно вела к выдвиганию на первый план военного элемента. Турция была военно-бюрократическим государством. Государственная служба долго оставалась важнейшим источником первоначального накопления. В государственном аппарате все лучшие места были заняты закрепившейся на верху бюрократической лестницы придворной камарильей. Продвижение вверх демократических элементов, заполнявших низшие должности в армии и в администрации, было затруднено. Это толкало офицерство и низших чиновников в оппозицию существующему строю. Недаром Абдул-Гам ежегодно ссылал молодых офицеров целыми пачками.

В культурном и политическом отношении армия была самой передовой группой в стране. При общей своей отсталости, старая Турция вынуждена была держать армию на общеевропейском уровне. Если в странах капиталистических интеллектуальное развитие офицерства, как правило, стоит ниже

среднего уровня интеллигенции, то в Османской империи офицерство, получавшее во многих случаях европейское образование, составляло наиболее развитую в культурном и передовую в политическом отношении прослойку турецкого народа. Здесь невольно напрашивается аналогия с ролью русского офицерства в начале XIX столетия. Только турецкое социально было гораздо ближе к мелкой буржуазии и зарождающейся средней, чем в свое время декабристы к тем же классам в России.

Совершенно исключительную роль сыграли демократические слои армии в революции 1908 г.

То же самое и в национально-освободительном движении после войны. Наиболее подготовленными и способными к руководству движением оказались представители молодого генералитета и офицерства. Война еще более демократизировала командный состав армии, так что перед турецкой революцией не стояла даже задача создания нового состава. Ей вполне подошло наследство, оставленное старой армией.

Вот эта-то роль армии наряду с политической незрелостью буржуазии и послужила причиной установления военной диктатуры Кемаль-паши.

История всех революций учит нас тому, что в эпоху гражданской войны и глубокой социальной ломки буржуазное государство может быть организовано только в форме откровенной и неприкрытой диктатуры, причем буржуазия по преимуществу прибегает к режиму личной диктатуры. Там, где в

силу различных обстоятельств военная сила выдвигается на первый план, роль диктатора выпадает на долю наиболее талантливого и наиболее популярного вождя армии. Таков пример с диктатурой Кромвеля в Великой английской революции, режимом Наполеона I во Франции и диктатурой Мустафы Кемалья в нынешней Турции. Правда, обычно делаемое сравнение кемализма с бонапартизмом нуждается в существенной оговорке. И «большой» и «маленький» Бонапарты пришли к власти на гребне реакции, в условиях спада революционной волны. Во Франции конца XVIII столетия основные задачи революции были решены мелкобуржуазной диктатурой. Когда последняя выполнила свою историческую миссию, т. е. сокрушила внешнюю и внутреннюю контр-революцию и расчистила дорогу капиталистическому развитию Франции, она должна была уйти. Ее место заняла термидорианская реакция, подготовившая почву для воцарения Бонапарта.

Совсем иное мы имели в Турции. Кемалистская диктатура здесь пришла не на почве разложения революции. Существует прямая преемственность и социального и персонального характера между революционной диктатурой в Турции в период национально-освободительной войны и политическим режимом Турции сегодняшней, движущейся на рельсах капиталистического развития. Кемаль, по справедливости, может считаться организатором революционной армии и революционной власти, он же является вдохновителем экономической политики новой Турции. В этом отличии кемализма от бонапартизма кроется вся его сущность. (Кемализм

выражает собою исторические интересы турецкой национальной буржуазии, ее диктатуру. Бонапартизм представляет собою власть, лавирующую между классами. Все это лишает проводимую автором аналогию всякой познавательной ценности. Ред.)

Кемалистский путь развития есть путь революции в полуколониальной стране со слабо развитой промышленностью, слабой дифференциацией классовых сил и незрелым и неоформленным в класс пролетариатом. Движущими силами такой революции являются крестьянство и зарождающаяся промышленная буржуазия, при гегемонии последней. Еще одним характерным признаком кемализма следует признать военную диктатуру, методами которой буржуазия закрепляет за собой плоды победы. Кемализм отличается также своеобразной экономической политикой, характеризованной выше. Поскольку Восток знает ряд стран, по своему социальному укладу и международному положению (в широком смысле этого слова) близких к дореволюционной Турции, есть все основания думать, что кемализм, как тип революционного развития, будет еще иметь место в истории национально-революционного движения. В частности, Персия — страна, где такой тип революции скорее всего возможен. Намеки на подобные тенденции были в той роли, которую в известный период играл Реза-Хан.

Та революционная роль, которую выполнила кемалистская диктатура в Турции, не должна нам застилать глаза на эволюцию, проделанную кемализмом за последнее время. Турция на наших

глазах переросла в буржуазное государство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одно дело — буржуазная диктатура, возглавлявшая движение за раскрепощение Турции, другое — та же диктатура, в условиях победы буржуазии и развивающейся борьбы классов по линии противоречий между трудом и капиталом. На VII пленуме ИККИ турецкий коммунист т. Ферди заметил: «Среди руководителей объединения угнетенных народов мы видим на ряду с Россией также и Турцию». Это мы можем признать вполне справедливым лишь для прошлого. Не может быть руководителем угнетенных народов та страна, где непрерывным преследованиям подвергается наиболее революционный класс современного общества — пролетариат, и где крестьянство, обманутое своим союзником, отдано на поток и разграбление молодым капиталистическим хищникам.

Только в лице пролетариат, вырастающего по мере индустриализации страны, Турция обретает силу, способную избавить ее от всякого угнетения.

Пути китайской революции.

1. Китай и мировой империализм.

Экономические связи между Европой и Китаем до XIX века носили поверхностный характер. Если не считать не имевшего заметных последствий для европейской торговли пребывания в Китае венецианского путешественника Марко Поло, то первое непосредственное общение европейцев с Китаем имело место в XVI столетии. На протяжении трех столетий (XVI—XVIII) мы встречаемся с рядом попыток со стороны то португальцев, то англичан, то русских проникнуть в Китай, — попыток, сыгравших по сути дела роль разведки. Настоящее завоевание страны начинается лишь в середине XIX века. Промышленно-капиталистическая Европа не могла мириться с замкнутостью Китая. Этот необъятный рынок необходимо было открыть для торговли. Для этого в распоряжении завоевателей был ключ, не раз открывавший чужие двери. Не дешевицей своих товаров европейцы пробивали себе дорогу в Китае, а авторитетом своих пушек.

Двумя опиумными войнами между Англией и Китаем начинается история закабаления огромной страны и великого народа. Первая война, возникшая в 1839 г., окончилась Нанкинским договором, первым из длинной серии неравноправных договоров. Нанкинский договор открыл для иностранной

торговли кроме Кан тона еще четыре порта: Амой, Сучжоу, Нинпо, Шанхай; установил право экстерриториальности для иностранцев, ограничил таможенную самостоятельность Китая и отдал Гон-Конг в руки англичан. По Тяньцзинскому договору, заключенному после второй опиумной войны (1860), Китай открыл еще 10 портов, допустил учреждение иностранных посольств в Пекине и, вдобавок к опиуму, вынужден был разрешить свободу ввоза в Китай еще одного яда — христианства.

Многочисленные договоры между Китаем и иностранными державами, заключенные после опиумных войн, преследовали преимущественно одну цель — добиться благоприятнейших условий для европейской торговли. Надеясь на торговые привилегии и технические преимущества, иностранный капитал мыслил расширением экспортных и импортных операций глубоко внедриться в народное хозяйство страны. На сколько это удалось, видно из следующего.

Опиум занимал во ввозной торговле почти до самого конца XIX столетия одно из первых мест. Ввоз хлопчатобумажных тканей вырос с 146000000 лан (Лан — единица веса в Китае, равная 37 граммам. Одно временно лан служит и денежной единицей.) в 1867 г. до 786000000 лан в 1897 г. Ввоз шерстяных тканей упал за этот период с 7 до 4 миллионов. Ввоз металлических изделий за то же тридцатилетие вырос в 5 раз, достигая в 1897 г. цифры в 8000000 лан. В экспорте первое место продолжал занимать шелк, т. е. товар, который и до прихода европейцев всегда был на

первом месте в китайском вывозе. В 1864 г. иностранная торговля в Китае выражалась в сумме 260000000 лан; в 1899 г. она достигала 452000000 лан, т. е. рост — больше чем за 30 лет — менее чем в два раза. Автор работы, посвященной, главным образом, китайской торговле, Э. Паркер, характеризуя рост торговли Китая за вторую половину XIX столетия, пишет: «... внешняя торговля Китая в отношении важнейших предметов ввоза и вывоза остается в настоящее время почти в том же виде, в каком она существовала и до открытия для европейской торговли договорных портов». (Э. Паркер, *Китай*, изд. 1903 г., стр. 245.)

Действительно, глубокого переворота в хозяйственной жизни Китая европейская торговля к концу XIX столетия не произвела. Но не затронув основных пластов китайской деревни и обслуживая только городскую верхушку или же жителей прибрежных районов, европейская торговля все же способствовала нарастанию ряда важных изменений в социально-экономическом укладе страны. Из них следует прежде всего отметить факт оттеснения туземного торгового капитала из тех позиций, которые он до сих пор довольно прочно занимал. У того же Паркера мы находим такие строки: «Вся местность, которая раньше была занята в Кантоне торговой факторией под названием 13 гонгов (т. е. тринадцати магазинов), в настоящее время покрыта сплошным почти «гостинным двором» иностранцев». (Э. Паркер, *Китай*, стр. 235.)

Второе изменение, тесно связанное с первым, а так же вытекающее из тех чрезвычайных трудностей, перед которыми стоял европейский купец в Китае (не знание языка, пестрота хозяйственного уклада, китайщина в денежном обращении и пр.), выражается в создании новой социальной прослойки в виде китайских посредников, или компрадоров. Компрадор вы ступал или в роли скупщика, не терявшего еще полной самостоятельности, или же в роли маклера, вы ступающего только в качестве агента иностранного купца на местном рынке. В лице компрадоров иностранный капитал создал себе на китайской почве верного союзника, многими узами связанного со своим иностранным патроном. Компрадорская буржуазия есть продукт иностранного закабаления Китая. Компрадорство, в известном смысле, стало отдушиной для выбитой из своей собственной колеи туземной торговой буржуазии.

Третье изменение, коснувшееся Китая в результате проникновения европейского капитализма, это упадок местной кустарной промышленности.

Когда европейцы пришли в Китай, они нашли его значительно отставшим от тогдашней Европы. Там в сущности совершались такие процессы, которые и Европе были знакомы в эпоху расцвета торгового капитализма и перерастания его в промышленный. Правда, в Китае торговый капитал не был консолидирован в национально-государственных рамках, но все же там кое-где имелись крупнейшие торговые фирмы не только компанейского типа, но и индивидуальные. Правда, в промышленности

господствовал цех, но все же мы и в Китае сталкиваемся с фактами, свидетельствующими о том, что кое-где торговый капитал при ступал к организации производства.

Мы знаем о существовании в Китае XVIII столетия мануфактур, организованных примерно так, как были организованы английские мануфактуры этой же эпохи, увековеченные Адамом Смитом. В мануфактурах фарфорового производства одна ваза проходила через 50 рук, прежде чем выйти готовой. Рядом с мануфактурой мы встречаемся с довольно широко разветвленной домашней промышленностью. Таким образом и в Китае процесс отделения производителя от средств производства развивался, в основном, в том же направлении и в тех же формах, что и в Европе. Беда Китая заключается лишь в том, что Европа успела завершить этот процесс тогда, когда в Китае он только начинался. Перед врагом, вооруженным пушками и паровой машиной, он оказался бессильным.

Туземная промышленность должна была уступить дорогу более сильному сопернику. «Еще в 1875 г. в среднем Китае торговля материями, изготовленными туземными кустарями (крестьянами и горожанами) на ходила в полном расцвете, а теперь (1909 г.) она давно уже не имеет прежнего значения, т. е. с тех пор как усилилась английская и американская, а в последнее время и японская конкуренция, которая выбрасывает на рынок материи по более дешевым ценам, чем их поставляют туземные кустари. В Нингпо было свыше 30 таких предприятий. В

настоящий момент эти специальные предприятия исчезли» (Ниок Чинь-Цзур, Формы ремесленных предприятий города Нингпо). (Цитировано по Витфогелю, «Пробуждающийся Китай».)

Гибель ремесла и туземной промышленности — таков неизбежный исход капиталистического владычества в колониях. Зарождающейся туземной промышленной буржуазии делать остается нечего, с тех пор как основные предметы массового широкого потребления начинают ввозиться из Европы. За три только года (1912—1915) число рабочих кустарной промышленности сократилось на 2000000. Ремесленник или кустарь сохраняют свои позиции только там, где тон кость работы требует приложения ручного труда. (В Фу-Чжоу, например, одна семья Шен-Шао-Ан является монополистом производства лакированных изделий, так как она в течение ста лет владеет секретом производства.)

Денежные накопления, которые раньше шли в промышленное предпринимательство, ищут себе другого применения. Торговая буржуазия устремляется по линии эксплуатации деревни. Происходит своеобразный процесс «аграризации» денежных накоплений (процесс, в иной форме чем в Китае, очень знакомый для Индии второй половины XVIII столетия).

Коренным образом меняется роль иностранного капитала в Китае, когда промышленный капитализм в Европе перерастает в высшую свою стадию, в капитализм финансовый. Китай из рынка сбыта европейских товаров превращается тогда в рынок для

вывоза капиталов из Европы и Америки. Переход капитализма в империалистическую фазу своего развития характеризуется как перерастанием им европейских рамок, так и завершением, в основном, процесса раз дела мира («свободных» территорий) между крупнейшими государствами. Начинается погоня за новыми рынками и за передел старых. В связи с этим, со всем по-новому встала и китайская проблема.

С конца XIX века наступает эпоха борьбы великих держав в Китае за концессии, за сферы влияния, за отторжение целых районов. Первый шаг в этом направлении, и притом совершенно неожиданно для главных участников в мировой игре, был сделан Японией. В 1894 г. она нанесла решительный военный удар одряхлевшей империи и, согласно мирному договору, заключенному в Симоносеках, помимо большой денежной контрибуции (34,5 млн ф. ст.), получила Ляодунский полуостров с Порт-Артуром. Такой по беды молодого выскочки не могли потерпеть захватчики с большим стажем. Под давлением России, Германии и Франции, Япония должна была вернуть территориальные приобретения на Ляодунском полуострове. Через несколько лет отнятое у Японии по пало под видом 99-летней аренды в руки России.

Едва ли не важнейшим достижением японо-китайской войны для иностранного капитала следует считать разрешение строить в Китае иностранные фабрики и ввозить машины. Из захватов, последовавших за этой войной, должны быть отмечены: подчинение Россией Северной

Маньчжурии и Ляодунского полуострова; захват Германией Циндао, ставшего форпостом в деле внедрения Германии в провинцию Шандунь; захват Вей-ха-вея англичанами и превращение его в крепость. Значительно подвинулось вперед дело закабаления Китая после подавления боксерского восстания. Кроме уплаты контрибуции (уплачиваемой по сей день) Китай должен был согласиться на срытие всех фортов до моря, на изъятие посольского квартала из китайской юрисдикции и на разрешение иностранцам держать свои войска как в Пекине, так и в ряде пунктов по дороге к морю.

Экономическое закабаление шло по линии концессий, промышленных и железнодорожных, и по линии займов. За 25 лет после японо-китайской войны (1895—1919) Китаю было предоставлено одних государственных 23 займа на сумму в 113 млн фунтов ст. Благодаря финансовому закабалению страны, фактическим хозяином финансовой жизни сделался крупнейший в Китае банк Гонконг-Шанхайский, принадлежащий английскому капиталу. Своим акционерам банк выплачивает 50% дивиденда.

Другим способом экономического подчинения Китая были жел.-дор. концессии. Железные дороги служили и служат не только источником прибыли в узком смысле этого слова. Опираясь на железные дороги, империалисты завоевывают экономически и политически ту или иную провинцию. Так царская Россия подчинила себе Северную Маньчжурию, Япония — Южную. Германия железной дорогой прощупала Шандуньскую провинцию, которую она

накануне войны могла уже считать своей колонией. В руках англо-французского капитала находятся главные дороги Китая. В настоящее время иностранный капитал перестал вкладывать средства в жел.-дор. строительство по той причине, что Китай больше не согласен на кабальные условия. Фактически жел.-дор. строительство в Китае находится под финансовым бой котом мировых банкиров.

В XIX веке политика иностранцев в Китае была направлена на превращение его в сырьевую базу и в рынок для сбыта иностранных товаров. В последние три десятилетия империализм, вопреки, быть может, своему желанию, стал подкапываться под основы этой политики. Дешевизна рабочих рук в Китае и избыток капитала в Европе сделали свое дело. XX век стал веком индустриализации Китая, как и Востока вообще. Капиталистическое развитие Китая началось с середины 90-х годов с текстильной промышленности. Первая фабрика современного типа была построена в 1890 г. В 1895, 1896, 1898 гг. строятся одно за другим английские текстильные предприятия. В 1906 г. хлопчатобумажная промышленность имеет уже 400000 веретен; в 1919 г. — 1619000; в 1925 г. — 3500000. По развитию текстильной промышленности Китай занимает пятое место в мире. Уступая только С.-А. С. Ш., Японии, Англии и Индии, он идет впереди России, Франции и Германии. Особо следует при этом подчеркнуть высокую концентрацию текстильной промышленности в Китае (около 2000 рабочих на предприятие). Соотношение иностранного и

туземного капитала в текстильной промышленности рисуется следующими данными:

тыс. тыс. верет. станков

Китайские предприятия. 73 2112 13 1/2

«Английские» 5 250 2863 Японские » 41 1208 6000

Железнодорожная сеть Китая насчитывает 11 тыс. км. Это, конечно, очень мало для такой страны как Китай, который по некоторым расчетам нуждается в 50000 км пути. Но если учесть, что со времени войны дороги перестали строиться, то темп жел.-дор. строительства, который был до войны, следует признать вполне удовлетворительным. Этим делом по степенно начинают заниматься сами китайцы. Пекин-Сюй-Юанская дорога построена китайцами под руководством китайского инженера и обслуживается китайским персоналом. Кстати, она является одной из самых образцовых дорог Китая.

В тяжелой индустрии на первом месте идет угольная промышленность. В 1900 г. она дала 6 млн т, в 1913 г. — 13 млн т, а в 1924 г. — 23 млн т. Медленнее развивается металлургическая промышленность, но и здесь можно зарегистрировать ряд успехов. Самым крупным предприятием является Ханяпинский комбинат, находящийся в японских руках. Разумеется, не следует перегибать палку в оценке индустриального развития Китая, но необходимо иметь в виду, что китайская промышленность насчитывает два, максимум — три десятилетия и, несмотря на это, по некоторым отраслям она начинает

занимать первые места (текстильная промышленность).

На ряду с Японией и Индией, Китай является наиболее индустриальной страной Востока.

С ростом промышленности выросли крупные индустриальные центры (Шанхай, Сучжоу, Тянь-Цзинь, Ханькоу, Цзюцзянь и т. д.), появились на сцене и новые городские классы, сопостствующие капиталистическому развитию: промышленная буржуазия и пролетариат.

В последние годы нельзя не заметить в индустриализации Китая некоторой заминки. Поверхностно было бы искать причины этого явления только в непрекращающейся гражданской войне. Оказав отрицательное влияние на развитие производительных сил Китая в момент своего прихода туда, иностранный капитал, перейдя в следующий этап — от экспорта товаров к экспорту капиталов — невольно содействовал промышленному перевороту в Китае и в этом смысле сыграл на известный момент прогрессивную роль. Конечно, оплодотворение китайской почвы финансовым капиталом Европы и Америки хотя и принесло свои всходы, но ценой необычайного обнищания народных масс. Такова логика капиталистической индустриализации.

Вопрос об объективной роли иностранного капитала в Китае в настоящий период требует совершенно особого рассмотрения.

Мы выше приводили данные относительно роста угольной промышленности в Китае. Но в чью пользу

этот рост? Некоторый свет на этот вопрос проливают следующие цифры:

Ввоз и вывоз угля в тысячах тонн:

	1920	1921	1922	1923	1924
Ввоз	1338	1361	1151	1366	1610
Вывоз	1970	1886	2377	3202	2108

Эти цифры говорят о том, что уголь из Китая вывозится наперекор интересам китайской промышленности. Китай вынужден ввозить уголь потому, что японцы 40% добываемого в Китае угля вывозят в Японию на нужды своей промышленности. Угольная промышленность в Китае растет, но рост этот служит больше Японии, чем Китаю. То же и с железной рудой. В 1924 г. вывезено из Китая 846833 т. Ханяпинские рудники обслуживают не китайскую металлургию, а японскую.

Огромный размах внешней торговли по существу скорее выгоден иностранцам и живущей этой торговлей компрадорской буржуазии, чем самому Китаю. В 1913 г. внешняя торговля Китая занимала 1,7% мировой. В 1923 г. уже — 3,4%. В абсолютных цифрах она в 1926 г. перевалила за 3 млрд рублей. Внутренняя же торговля страны и ее производительные силы не могут поспеть за ростом внешней торговли. Китай не успел создать свой национальный торговый аппарат, свою национальную торговую буржуазию, способную отстоять внутренний рынок от иностранцев.

Не последним препятствием на пути развития туземной промышленности можно считать отсутствие в

Китае таможенной автономии. Китайская промышленность выступает на арену при наличии многочисленных более сильных конкурентов. Европейские страны в соответствующие эпохи защищали себя от более сильных соперников таможенной стеной охранительных пошлин, достигавших 15%. Без таможенной автономии китайская промышленность должна остаться худосочной.

В силу этого, китайцы, не являясь хозяевами в своем собственном доме, воздерживаются от вложения средств в промышленность. Между тем денежных капиталов, накопленных в торговле, сельском хозяйстве и пр., в стране довольно много. В 1920 г. одни шанхайские банкиры готовы были предоставить для организации банковского консорциума 2030 млн долларов. Считают, что денежные накопления в стране достигают миллиарда таэлей. Относительность этой цифры разумеется, сама собой, но во всяком случае не недостаток средств является одним из главных препятствий на пути индустриального развития Китая.

По своим энергетическим ресурсам Китай занимает второе место в мире после С.-А. С. Ш. Если и были преувеличения в оценке ископаемых богатств Китая, то, во всяком случае, для развития тяжелой индустрии страны он обладает достаточными сырьевыми запасами. Людские резервы его неисчерпаемы. Что до appetитов туземной буржуазии, то их рост, особенно в связи с войной 1914—1918 гг. и послевоенным кризисом в Европе, когда большинство китайских

предприятий выплачивало 100% и более дивиденда, — совершенно очевиден. И если несмотря на все это происходит замедление темпа в развитии производительных сил страны, то вину следует искать прежде всего (помимо причин внутреннего порядка, о которых будет сказано ниже) в иностранном гнете, царящем в Китае. 50

Империалисты, все вместе и каждый в отдельности, рассматривают Китай как богатейший свой резерв. В настоящий исторический период, переживаемый нами, когда проблема рынка и сырья поставлена перед капиталистическим миром в небывалой остроте, Китай все более и более становится фокусом, в котором сходятся все нити капиталистических противоречий. Тихоокеанская проблема стала главной осью мировой политики. В перспективе борьбы за Китай намечаются две основных линии противоречий: одна — между Англией и Америкой, другая — между Америкой и Японией. Пока что каждый из этих хищников старается закрепить за собой важнейшие позиции, причем в роли наступающих мы видим Японию и С.-А. С. Ш., что подтверждается такими примерами:

Ввоз машин в Китай.

	1914	1924
С.-А. С. Ш.	8%	20%
Япония	10%	18%
Британия	46%	26%

В 1917 г. все веретена в китайской текстильной промышленности были английского происхождения. В 1926 г. треть из них уже доставлена Америкой.

Такую же картину мы можем видеть и во внешней торговле.

Китайский импорт за 1913—1925 г.

	1913		1925		
Англия	16,5%	45,5%	9,6%	27,8%	-6,9%
Гонконг	29%		18,2%		-10,8%
Япония	20,3%		31,0%		+10,7%
С.-А. С. Ш.	6%		14,7%		+8,1%

Но если Англия вынуждена оборонять свои позиции в Китае от наседающей японской и американской торговли, то из этого ни в коем случае не следует, что английские интересы в Китае свертываются. Если последний до сих пор был важнейшим объектом английской торговли, то теперь он становится не менее важным объектом для вывоза английских капиталов. Вся сумма английских вложений в Китае оценивается в 3,5 миллиарда рублей. Эти капиталы

ссосредоточены в банках, в железных дорогах, в речном и морском транспорте и в легкой промышленности.

Японские капиталы в Китае устремляются главным образом в тяжелую индустрию. Почти вся металлургическая промышленность находится в японских руках. С.-А. С. Ш. до последнего времени ограничивались энергичным развитием своей торговли в Китае, заняв там второе место. Но это лишь авангард, за ним несомненно последует наступление главных сил американского империализма в лице его финансового капитала.

Вопрос о том, какой империализм победит в борьбе за Китай, в конечном итоге безразличен для китайского народа. Не все ли равно, кто его будет душить? Его освобождение лежит не по линии победы или поражения того или иного империализма, а по линии борьбы против империалистического гнета вообще. Положение мирового империализма в настоящий момент таково, что развивать производительные силы Китая он может только наперекор интересам народного хозяйства в целом, ценой полного подчинения себе туземной буржуазии, небывалого разорения крестьянских масс и безудержной эксплуатации рабочего класса.

Китай для капиталистического мира служит одним из последних резервов. Или империализму удастся надолго закрепить свое владычество в Китае тогда он может отсрочить час своей гибели за счет полного ограбления страны, или же Китай будет жить и развиваться как самостоятельное целое, но это

возможно исключительно в результате изгнания империалистов.

Сложившаяся обстановка ставит китайский народ перед неизбежностью антиимпериалистической войны, т. е. перед национально-освободительной революцией.

2. Феодалные пережитки в Китае.

Мировой империализм не есть единственное препятствие на пути развития китайского народа. Фактом, целиком тормозящим рост производительных сил страны, является сохранение как в хозяйстве, так и во всем социальном укладе сильнейших пережитков, сохранившихся от старых феодальных времен. Китай принадлежит к числу тех стран, где особенно наглядно может быть прослежено смешение самых различных общественных форм. Сельское хозяйство в значительной своей части носит натуральный характер. Типично средневековые формы можно найти в организации ремесла. Рядом с этим большую роль в хозяйственной "жизни страны играют торгово-капиталистические элементы, а в последние десятилетия стал вырастать и внедряться в народное хозяйство и капитализм современной Формации — промышленный. Для человека, знакомого немного с историей Европы в последнее тысячелетие, Китай послужит живым музеем.

Там одинаково богато представлены и XI и XX вв. Там можно найти менялу рядом с Гон-Конг-Шанхайским банком; электростанцию новейшего

типа и водочерпалку, изобретенную еще при Хубилаи-Хане, экспресс и человека-лошадь; революционный профсоюз и средневековый цех. Там есть бронепоезда, но в них сидят наемные солдаты. Там — республика, но эта республика смахивает на феодальную монархию.

Все это делает ясным для каждого революционного марксиста неизбежность социальной ломки в Китае. Но какой характер примет эта ломка? Нуждается ли Китай в буржуазной революции или он может миновать ее? Ответ на эти вопросы можно дать лишь после того как будет рассмотрено, насколько сильны пережитки прошлого в экономике и в социально-политическом строе страны.

Начнем с аграрных отношений.

По этому вопросу довольно распространенным является предрассудок, будто в Китае нет частной собственности на землю, во-первых, и крупного землевладения, во-вторых, Ни первое, ни второе — в корне не верно. По старым китайским морально-правовым нормам, действительно, не остается места для частной собственности на землю. Но конфуцианские нормы, господствующие и сейчас в китайской философии, жизни уже «немножко» отстали. При всей своей кажущейся неподвижности китайская история шагнула далеко вперед от тех времен, когда складывалось VI учение Конфуция (век до н. э.).

Еще при первой Цзинской династии, т. е. сколько веков до нашего летосчисления, была установлена

поземельная собственность. Разумеется, над крестьянской собственностью тяготели пережитки феодальных прав, в том числе верховное право императора Собственности на землю в совершенно законченной буржуазной форме не было. Юридически сохранялась некоторая условность владения, но фактически земельные участки были неотчуждаемы, пере ходили по наследству и, главное, могли быть закладываемы и продаваемы по усмотрению владельца. Говорить приэтом об отсутствии земельной собственности можно лишь повернувшись спиной к действительному положению вещей.

На каждом шагу приходится встречаться и с отрицанием наличия в Китае крупного землевладения. В очень живо написанной книжке немецкого коммуниста т. Витфогеля «Пробуждающийся Китай» мы читаем: «...состояние, означающее параллельное существование бесчисленного количества приблизительно одинаковых по размерам парцельных крестьянских хозяйств, сохранилось вплоть до послед него времени». Это столь же верно, как и утверждение об отсутствии земельной собственности. В своей статье «Аграрный вопрос в китайских революциях», помещенной в «*Новом Востоке*» № 15, А. Ивин пре красно доказал, что лейтмотивом всех крестьянских движений в Китае была борьба против крупных землевладельцев.

Но нас в данном случае интересует не прошлое, а Китай сегодняшнего дня. Тут необходимо оговориться относительно того, что китайская деревня требует к себе совершенно особого подхода,

свободного от наших привычных шаблонов. В условиях китайского земледелия, за пределы крестьянских хозяйств должны быть поставлены все, владеющие больше 100 му (5—6 десятин). Исключение можно сделать для Маньчжурии и других окраин. Таких хозяйств *го́ннее* 100 му) в Китае насчитывается, по данным 1917 г (Ивин, *Аграрный вопрос по китайским официальным данным.*) — 2835646, по данным 1918 г. (Кюнер. *Очерки новейшей политической истории Китая. Владивосток.*) — 2278365. Более близкими к истине следует считать данные за 1917 г., так как они охватывают большее число провинций. Но эти 2835646 хозяйств не равны. Среди них есть и очень крупные хозяйства и более мелкие. Помещиков, владеющих больше 1000 му (60 и более десятин) насчитывается 30000.

Противоположный полюс в китайской деревне занимает группа крестьян в 17 805 125 хозяйств владеющих участком менее 10 му (1/2 десятины). Вместе с группами, владеющими участками от 10 до 30 му (13 248 474) и от 30 до 50 му (10122214), она составляет эксплуатируемую массу китайской деревни. Среднее место между эксплуататорскими и эксплуатируемыми занимает группа в 5348314 дворов с участками от 50 до 100 му.

Вывод о том, что китайская деревня не знает помещика, а состоит сплошь из крестьян, делает в упомянутой здесь работе Н. В. Кюнер. Он обосновывает это тем, что почти 90% китайских крестьян владеет участками менее 3 десятин и лишь 10% с лишним владеет более крупными хозяйствами.

Но если учесть, что эти 10% обладают земельной площадью большей, чем 60 с лишним процентов беднейшего крестьянства, то вывод об отсутствии помещика повисает в воздухе.

В Китае есть крупное землевладение, но там нет крупного хозяйства. Помещик в подавляющем большинстве случаев сдает землю мелкими участками в аренду безземельному или малоземельному крестьянину. Крестьянских дворов в Китае имеется от 60 до 69 млн, земельных собственников — от 42 до 49 млн. Отсюда следует, что 1/3 населения китайской деревни является безземельной. (Весьма вероятно, что число совершенно безземельных, на самом деле, меньше 1/3 всего крестьянства. Мы механически вычли из общего числа дворов количество земельных собственников и таким образом, получили и в первом варианте (60 млн дворов) и во втором (69 млн дворов) часть безземельных. Но в деревне не все дворы являются крестьянскими, так что и не весь остаток может быть причислен к безземельным. Во всяком случае общи итог в 50% арендаторов и полу арендаторов сомнения не вызывает, эту итоговую цифру поддерживает такой знаток современного Китая, как А. Ивин.) Если к ней прибавить тех, которые, владея мизерными участками, вынуждены приарендовывать землю, чтобы не умереть голодной смертью, то число арендаторов дойдет до 50% всего крестьянства.

Преобладающими формами аренды являются натуральные. Денежная встречается реже. Но и условия, при которых существует и та и другая форма,

чисто кабального типа. При натуральной аренде крестьянин уплачивает около 40% урожая землевладельцу. Нередко встречается и отработочная форма аренды на испольных началах. Обычно при денежной аренде помещик требует уплаты до урожая, что отдает крестьянина полностью в руки деревенского ростовщика.

Несмотря на проникновение капитализма и в земледелие, все же основная масса китайского крестьянства эксплуатируется методами докапиталистическими, характерными для феодальной эпохи. Пока в китайской деревне будут сохранены царящие в ней сейчас порядки, до тех пор не будет серьезного стимула для капиталистического развития сельского хозяйства. Методы феодальной эксплуатации слишком соблазнительны не только для потомков прежних феодалов. Большинство землевладельцев современного Китая вовсе не являются отпрысками старой феодальной аристократии. Скорее всего это выходцы из купцов и чиновников. Но вопросом о происхождении землевладельцев не решается вопрос о характере землевладения. (Тов. Радек именно на этом основании утверждал, что в китайской деревне нет феодальных пережитков, так как вся земля там принадлежит буржуазии.)

Выше уже говорилось о том, что под напором иностранного капитала туземная торговая буржуазия, вытолкнутая из города, устремилась на землю. Там она органически вошла в существующие полуфеодальные отношения, не разложив их, а

приспособившись к ним. Мобилизация земли в руках деревенских ростовщиков приводила не к созданию хозяйства капиталистического типа, а к превращению этого ростовщика в того же полу феодала, пользующегося теми же способами выколачивания прибавочного продукта, какие существовали в деревне и до него. Помещик, ростовщик и купец, связывающий деревенскую верхушку с иностранным капиталом — все они опираются на полуфеодальный режим в деревне и им живут. «Купеческое» происхождение китайского помещика ничего не значит. Процесс обратной феодализации торгового капитала случай не такой уж редкий в истории.

Очень ярким свидетельством полуфеодального уклада китайской деревни является тот факт, что «джентри» (помещик) всегда выступает в качестве представителя власти в своем округе. (В строгом смысле слова понятия джентри и помещик не равнозначны. Джентри это — представители власти, но сплошь и рядом он же является землевладельцем.) Здесь мы стали киваемся с сохранением одного из главнейших признаков феодальной системы: сочетанием крупного земле владения и политической власти.

Сохранение феодальных пережитков в аграрных отношениях не служит признаком того, что и эксплуатация крестьянства остается на уровне феодальной эпохи. Как раз в этой области китайская деревня ушла далеко вперед от патриархальных времен. В чисто феодальную эпоху землевладелец, ведя в основном натуральное хозяйство и к рынку прибегая в частных

случаях, не имел надобности в усиленном нажиме на подвластных ему крестьян. В современном Китае господствующая в деревне верхушка двулика: она полуфеодална по своему отношению к крестьянству, но в то же время она выполняет роль торгового агента иностранного капитала. Присваивая 50% крестьянского труда методами докапиталистическими, землевладелец и ростовщик значительную часть этой продукции выбрасывает через компраторов на внешний рынок.

Громадный спрос на сельскохозяйственное сырье, предъявленный китайской деревне, не мог быть удовлетворен непосредственно самим крестьянством: во-первых, хозяйство его оставалось преимущественно натуральным, во-вторых, оно (крестьянство) весь свой излишек отдавало в виде налогов, арендной платы, процентов и т. д. — помещику, ростовщику и государству. Своим вторжением в китайскую деревню иностранный капитал не произвел там никакой революции, а лишь еще более усилил эксплуатацию крестьян со стороны того аппарата, который сложился там задолго до прихода европейцев.

Это окончательно сделало полуфеодалные порядки в деревне невыносимыми для крестьянства и поставило его перед неизбежностью физического вырождения. Многие тысячи и, пожалуй, миллионы крестьян уходят в разбойничьи шайки (туфеи). Но зажиточные слои деревни или откупаются от этих шаек, или создают свою вооруженную гвардию (миньтуани), так что, в конечном итоге, этот бич

ударяет скорее всего по трудящимся элементам деревни и тем самым ускоряет процесс их разорения. К этому следует прибавить роль стихийных бедствий, так часто обрушивающихся на китайскую деревню.

Если вычтеть из продукта крестьянского труда все то что у него отнимает помещик, ростовщик, разбойник — легализованный и нелегализованный, — государство (налогами), то остается ровно столько, сколь ко нужно для медленного умирания голодной смертью. Это не преувеличение, а факт. В 1922 г. в Китае работала комиссия по оказанию помощи жертвам голода. Комиссия провела обследование 6316 семейств. Из них 5097 имели доход от 14 до 241 мексиканского доллара в год. (Мексиканский доллар равен рублю.) Между тем прожиточный минимум для семьи в 5 чел. считается в 274 мекс. доллара в год.

Отсюда следует, что подавляющая часть китайского крестьянства, находясь по ту сторону линии нищеты, обречена на гибель. Город всех разоряемых вместить не может, для разбойничьих шаек тоже есть предел насыщения. Одну курицу, и притом совсем нежирную, нельзя резать изо дня в день.

Известной отдушиной для избытка крестьянского населения служат многочисленные армии китайских милитаристов. Но едва ли можно вообще установить принципиальную разницу между этими армиями и разбойничьими бандами, если подходить с точки зрения влияния и тех и других на деревню.

Где же выход из этого тупика?

Для тех кто не понимает самой структуры китайской деревни, кто отрицает существование в ней помещика, вопрос о выходе должен быть действительно темным. Но из всего сказанного выше очевидно, что и в Китае аграрный вопрос не выдуман. Крестьянство до сих пор прекрасно видело, что главный враг его в крупном землевладении, и оно, именно, против него боролось во всех своих движениях. В начале второй половины прошлого столетия некоторые европейцы поражались в Китае тем, что крупные землевладения, многочисленные на севере от Ян-Цзы, почти исчезают на юге. Здесь секрет в том, что как раз провинции, лежащие к югу от реки, были охвачены восстанием тайпингов, которое стихийно ликвидировало в своих районах крупных помещиков.

Характерно, что уже тайпингское восстание было направлено не только против своих угнетателей, но и против иностранного капитала, а следующий за ним большой взрыв — боксерское восстание — уже целиком обращено против иностранцев. Значит, стихийно китайский крестьянин очень рано стал отдавать себе отчет в том, что империализм такой же его враг, как и маньчжурская династия, как и местные джентри и ростовщик.

Вся беда прежних крестьянских движений в Китае заключается в том, что они, прекрасно справляясь с разрушительной частью, не умели выдвинуть ничего положительного. Вместо старых помещичьих фамилий, уничтожаемых народным бунтом, вырастали новые, и каждый раз приходилось борьбу начинать с начала. Спасение китайского крестьянства

лежит не в аграрном бунте, а в аграрной революции, которая вырвала бы с корнем крупное землевладение и освободило бы деревню от всего феодального гнета. Для того, чтобы в деревне, вслед за разрушением старых, создать новые отношения, крестьянство нуждается в помощи и руководстве со стороны класса более передового и более организованного. Проблема аграрной революции, таким образом, могла быть поставлена только в последние десятилетия, когда промышленное развитие страны вызвало к жизни создание современного города с его прогрессивными классами.

Отсталости социально-экономического уклада Китая соответствует отсталость и в социально-политической жизни. Пережитки феодальной эпохи — и очень сильные — можно найти также в его государственном устройстве.

Фактически Китай и при маньчжурской династии не был объединен в централизованное государство. Слабые экономические связи между отдельными районами страны, отсутствие удовлетворительных путей сообщения, неоформленность в класс торговой буржуазии, — все это сильно затрудняло дело объединения страны. Императорская власть в жизни провинций играла очень малую роль. Вот что по этому поводу говорит цитированный уже нами Э. Паркер: «Что же касается внутренней системы управления, то необходимо заметить, что каждая из этих провинций представляет собой цельное государство, жизнедеятельность которого стоит в совершенной независимости от существования прочих провинций;

общая солидарность заключается лишь в том, что всем провинциям одинаково предъявляются настойчивые требования из Пекина о ежегодных отчислениях в пользу центрального правительства. Каждая провинция имеет свои особые войска, флот (в известных случаях), свою особую систему обложений и свои собственные общественные учреждения. (Э. Паркер, *Kumai*, стр. 306.)

Выходит, что зависимость отдельных провинций выражалась в обязательстве вносить ежегодно известные отчисления в пользу Пекина. Во всем остальном они были предоставлены самим себе. Но если Пекин должен был предъявлять «настойчивые требования», то отсюда следует, что и эту свою обязанность перед центром провинциальные власти выполняли не весьма охотно и аккуратно. Что центробежные силы в старой империи были очень сильны, видно еще из того, что государство вынуждено было практиковать частую смену губернаторов и стремилось всегда назначать наместниками в каждую провинцию уроженцев из других.

Наместничество в китайской империи было своего рода «кормлением» для мандарината, схожего в этом отношении с нашим боярством эпохи собирания Руси. Наместник, или губернатор, получив на несколько лет провинцию и обязавшись уплатой известного взноса центральному правительству, естественно, склонен был рассматривать эту провинцию как свою добычу.

Эта система охватила Китай сверху донизу. Мы уже видели, что и в деревне носителем власти был (и есть)

«именитый человек», т. е. местный помещик. Создавалась своеобразная иерархическая лестница, многими чертами своими напоминающая феодальную монархию эпохи европейского средневековья.

Следы средневековья лежали и на налоговой политике старой монархии. Большой интерес представляет собой так называемый «ликин». Распространенное мнение о том, что этот налог введен в середине прошлого столетия с целью изыскания средств для борьбы против тайпингов, не совсем верно. В действительности, ликин есть остаток феодальных времен, когда каждый феодал облагал провозными пошлинами всех купцов, которые со своими товарами следовали через его территорию. Правительство в 1853 г. свело все эти поборы в один налог, но целиком сохранило средневековый способ его взимания. И сейчас для провоза товара из одного конца Китая в другой по внутренним дорогам требуется многократная уплата ликина. Во Франции XIII столетия, где тоже существовали внутренние таможенные перегородки, один путешественник, задавшись целью практически проверить их действие, попытался провести ящик вина с одного конца Франции в другой, но вынужден был оставить затею на полдороге, так как это грозило опустошением его кошелька.

Такую же картину можно наблюдать в современном Китае. В среднем, товары облагаются ликинным сбором в 4-5%, но так как по дороге пунктов, взимающих этот налог, довольно много, то обычно обложение ликином достигает 25-30% стоимости

товара. «Если владелец товара стал бы отпраэлять его из Шанхая э Чженцзян на джонках,... то ему не пришлось бы платить ликин в расположенны х по жел.-дор. линии заставах, т. е. Около 30%. Поэтому, вместо того, чтобы пользоваться жел.-дор. транспортом, который мог бы перебрасывать эти товары в 4-5 часов, купцы пользуются переброской их в джонках, затрачивая на это до трех суток, зато уплачивая ликин лишь в трех заставах, что-то около 10,5%)». (Б. Ш., Заметка о ликине, «Рево. Восток», № 2, стр. 136.)

Иностранные купцы пользуются большими льготами. по ликину, и поэтому этот налог имеет в их чице ярых сторонников, так как он способстэует ослаблению конкурентной способности туземных купцов. В распоряжение государства поступает едва 1/6 часть сумм, собранных по ликину, а остальное «съедается» по дороге от агентства к министерству финансов.

На ряду с налоговой политикой немаловажны м препятствием на пути развития внутренней торговли служит финансовая система страны. Китай не знает единой системы мер и весов, как не знает и единой денежной единицы. Каждая провинция имеет свой монетный двор, но чеканная монета, вполне понятно, никаким авторитетом не пользуется. Серебро принимается на вес. При обладании медной монетой, в Китае сохранились и формы денег, присущие ранним ступеням общественного развития. Рядом с банковым билетом можно найти чуть ли не первобытную форму денег. В этом финансовом хаосе,

как рыба в воде, плавают китайский меняла, — еще один живой представитель средневековья, но массы китайского населения тонут в нем.

Пока торговая буржуазия не заняла командных высот в хозяйстве страны, пока интересы ее не выходили за пределы одной провинции, она могла ужиться и с существующими в Китае порядками. Что же касается иностранного капитала, то он своими успехами в Китае как раз обязан в значительной степени политической слабости Маньчжурской империи. Единый Китай оказал бы гораздо более упорное сопротивление европейскому вторжению.

До конца XIX века идея объединения Китая не могла быть поставлена практически. Еще не были выдвинуты те классы, которые по самому своему положению должны были это сделать. Компраторская буржуазия, связанная с иностранным капиталом и от него зависимая, чужда была национальным интересам. Крестьянские движения, как мы говорили, неспособны были выдвинуть положительной программы.

Последние десятилетия в истории Китая характеризуются заметным усилением экономических связей между отдельными частями страны, общим разложением натуральных основ хозяйства и ростом специализации по различным районам. В Китае идет процесс создания единого национального хозяйства, а это всегда ведет к борьбе за централизованный государственный аппарат. Но если в Европе расцвет торгового капитализма приводил чаще всего к созданию абсолютной монархии, то в Китае, где

благодаря влиянию иностранного капитала значительные успехи сделала промышленность современного типа, где процесс перерастания торговой буржуазии в промышленную развивается на наших глазах необычайно быстрым темпом — неизбежен непосредственный переход от государства полуфеодального к государству современному (буржуазному, или через некоторые переходные ступени — к пролетарскому).

Борьба за конституцию начинается в Китае с середины 90-х гг. прошлого века. Очень скоро эта борьба либеральной буржуазии за конституцию превратилась в борьбу против маньчжурской династии вообще, так как и период реформ, известный под названием «100 дней», и реформы 1906—1908 гг., показали, что маньчжурскую династию облечь в конституцию не удастся.

В общем, обстановка, сложившаяся в Китае в начале XX века, отличается необычайной сложностью.

В аграрных отношениях господствуют феодальные пережитки. Торговый капитал, широко проникая в деревню, пользуется там старыми способами эксплуатации и переживает своеобразный процесс обратной феодализации. Масса крестьянская разоряется и стоит перед угрозой вымирания. Развитие туземной торговли и промышленности, идущее быстрым темпом, упирается на каждом шагу в серьезнейшие преграды, грозящие в конечном итоге полным срывом этого процесса.

Препятствия эти лежат в трех основных направлениях.

Первое — по линии деревни. Прогрессирующее обнищание всей массы китайского крестьянства лишает туземную промышленность внутреннего рынка, базироваться же на внешний — она не может в силу запоздалого своего появления на свет. В разрушении существующих в деревне порядков, т. е. остатков феодализма, заинтересованы не только крестьянские массы, но и все прогрессивные классы Китая. Без решения аграрного вопроса невозможна полная победа промышленной буржуазии.

Второе — по линии социально-политического строя. Существующая политическая система, являясь в сущности надстройкой над отсталым социально-экономическим укладом страны, служит орудием классового угнетения в руках полуфеодальных элементов. Само продукт средневековья — государство с его системой управления (мандарином), с его налоговой, финансовой и внешней политикой в свою очередь питает и укрепляет ту почву, из которой оно выросло. Без политического господства не может быть полного господства экономического. Вне сокрушения старой политической системы и объединения Китая в единое централизованное государство — нет пути для победы нового социального строя.

Третье препятствие лежит по линии гнета империализма. Последний мешает туземной буржуазии не только тем, что владеет внутри страны всеми важнейшими хозяйственными командными

высотами, но и той прямой поддержкой, которую в его лице встречают все реакционные классы Китая.

Отсюда очевидно, что задачи, поставленные объективным ходом вещей перед китайским народом, не могут быть решены каждая в отдельности. Задачи национально-освободительной революции против империалистов, национально-объединительной против всех сил, мешающих созданию единого государства, и аграрной — против полуфеодалов в деревне, — самым тесным образом переплетаются между собой.

3. Китай после революции 1911 года (Сущность дудзюната. Гражданская война 1920—1924 гг.)

Революция 1911 г. имела внешне главным своим устремлением свержение маньчжурской династии. Но под этой внешней формой скрывалась борьба против существующего строя вообще. Маньчжурское происхождение династии было лишь приводящим обстоятельством. (Рассказывают, что во время восстания в Учане маньчжурские женщины носили пищу революционным солдатам. В этом нет ничего удивительного: и среди маньчжуров не все были помещиками или сановниками.) Взрыв, который подготавливался всем ходом вещей, естественно вылился в борьбу против того объекта, который в глазах народных масс был воплощением всего социального зла.

Элементы антиимпериалистической борьбы были в движении 1911 г. весьма слабы. Правда, само начало

революции ознаменовалось именно антиимпериалистической демонстрацией, в виде забастовки протеста, организованной в Чен-Ду (столица Сы-Чуани) против иностранной концессии на железную дорогу.

Революция 1911 г., завершившись свержением ненавистной большинству народа маньчжурской династии, может, как будто, считаться революцией победоносной. Но это не так. Ударив по самой макушке старой бюрократической машины, буржуазия оказалась беспомощной перед всей бюрократической системой в целом. Несмотря на сокрушение монархии, социально-политический строй Китая остался нетронутым. Это объясняется тем, что буржуазия в 1911 г. еще не настолько созрела, чтобы справиться с созданием собственного буржуазного аппарата власти. Ни пролетариат, ни буржуазия не были подготовлены к революции, между тем как силы, тормозившие движение с самого начала, получили прямую поддержку иностранного капитала. Финансовую помощь против Сун-Ят Сена империализм оказывал Юань-Ши-Каю (Юань-Ши-Кай президент китайской республики (1912—1916 гг.) — реакционер.) отнюдь не из любви к нему, а из основательного опасения, что победа националистов грозит завершением буржуазной революции в Китае, т. е. его фактическим объединением; из-за этой боязни империалисты открыто становятся на сторону контрреволюции. Заем 1912 г. в 50 млн рублей, а затем заем 1913 г. в 250 млн рублей помогли Юань-Ши-Каю одержать победу над революционным югом во время гражданской войны 1913—1914 гг. С тех пор

большинство займов, предоставленных иностранным капиталом центральному или провинциальным правительствам, всегда шло на нужды китайской контр-революции.

Центробежные силы, дававшие себя чувствовать и в старой империи, получили особое развитие после переворота. Если маньчжурская династия фактически и не управляла страной, то она все же как-то скрепляла военно-бюрократическую мащину. С распадом империи эта машина развалилась на отдельные части. Пекинское республиканское правительство теперь играет еще меньшую роль, чем в былые времена императорское.

Власть милитаристов, или дудзюнат (дудзюн — военный губернатор), не является в Китае чем-то новым. Это — прямое наследие старого аппарата. Дудзюны, во многих случаях представители старого генералитета — управляют своими провинциями точно так, как те управлялись и в императорском Китае.

Вопрос, который нас в связи с этим интересует, сводится, следовательно, не к происхождению дудзюната, а к объяснению тех причин, которые способствовали сохранению этого института в послереволюционном Китае. В мнении, что китайские милитаристы суть осколки старой монархии на службе у мирового империализма, кроется не вся правда. Если б эти «осколки» питались единственно поддержкой иностранного капитала, то борьба с ними была бы проще и легче. В действительности же дудзюнат имеет внутреннюю

социальную базу, наличием которой прежде всего обуславливается его известная устойчивость.

Опираясь только на одну военную силу, милитаристы не могли бы удержать за собой власть в провинциях, если бы они не нашли опоры в лице того или иного класса. Те же социальные корни, которые своими соками питали императорскую власть, стали опорой и милитаристической системы управления, царящей в современном Китае. Нельзя утверждать, что все классы китайского общества выступали в революции 1911 г. поборниками новой формы государства, что маньчжурская династия опиралась на одну бюрократию. Мнение это удивительно напоминает старую историю с бароном Мюнхгаузеном, который сам себя вытащил за волосы из болота. Но про барона Мюнхгаузена писалось только в сатирической литературе, а про то, что китайская монархия сама себя подпир;ща, пишутся ученые статьи. Надклассовая теория китайского государства, находящая себе иногда сторонников там, где этого всего меньше можно было ожидать, ничего общего с марксизмом и китайской действительностью не имеет.

Старая монархия была орудием угнетения в руках полуфеодальных элементов деревни и некоторых связанных с ними социальных прослоек города. Если эти реакционные группы не в силах были спасти династию, то Зато им удалось отстоять незыблемость старого социально-политического строя в самой его основе. Живя безграничной эксплуатацией деревни и находясь ежечасно под угрозой крестьянского

восстания, эти элементы нуждались в сильной военной власти. Эта власть была раньше представлена императорскими вице-королями и генерал-губернаторами, теперь она воплощена в лице дудзюнов. Все прочее осталось нетронутым. Правда, в конституции, окончательно принятой в 1923 г., Китай значится республикой, но эта республика столь же мало реальна; как и сама конституция.

Заменив по своим социальным функциям маньчжурскую монархию, дудзюнат вместе с тем стал опорой и для иностранного капитала. Ведь сама императорская власть постепенно становилась орудием закабаления Китая в руках иностранных держав, так что и по этой линии существует полная преемственность между старым и новым строем. В такой обширной стране как Китай завоеватели не могли бы обойтись без внутренней опоры. Поскольку и реакционные классы внутри страны и империалистические державы имеют общего врага в лице национально-освободительного движения, постольку они могут до поры до времени обслуживаться одним и тем же аппаратом подавления. Итак, дудзюнат, взятый в широком понимании этого слова, есть дореволюционная система управления минус императорская власть. От старой монархии новый строй отличается еще большей раздробленностью и ярко выраженной милитаристской окраской. Последнее объясняется как возросшей со стороны реакционных классов и империализма потребностью в вооруженной силе для защиты от революции, так и причинами более

субъективного порядка, коренящимися в самом характере нового строя.

Старая монархия держалась на более или менее устойчивом равновесии классовых сил. Вступление в борьбу нового класса — буржуазии, нарушило установившееся равновесие и привело к падению династии. Новая власть, представленная отдельными дудзюнами, ощущает ежеминутно шаткость своего положения; напор на нее идет со всех сторон. К тому же дудзюн к своим услугам не имеет ни авторитета трехсотлетнего существования, ни учения о божественном происхождении, ни всяких других атрибутов, какими маньчжурская династия, как и всякая монархия, подкрепляла свою власть. Власть того или иного дудзюна зависит прежде всего от его военной мощи. Отсюда вырастает погоня за большими армиями, облегчаемая тем, что непрерывно выбрасываемые из деревни надры разоряющихся крестьян, не находящих производительного применения своего труда в городе, охотно нанимаются к любому генералу, лишь бы не умереть с голоду.

В старом Китае армия была весьма немногочисленной. Еще в 1913 г. в борьбе южан и северян участвовало с обеих сторон 43 тысячи человек. В настоящий же момент Китай имеет самую многочисленную армию в мире. Конечно, без помощи финансовой и технической со стороны империалистических держав, дело создания больших, по современному вооруженных, армий было бы не по плечу китайским милитаристам.

Однако, за время гражданской войны, не прекращающейся в Китае с 1911 г., в стране произошли такие серьезные сдвиги, что они не могли не отразиться на судьбе дудзюната. В эволюции дудзюната, бесспорно имеющей место, можно нащупать две линии. Первая характеризуется известной тенденцией к консолидации сил со стороны милитаристов. Создание более или менее устойчивых милитаристских группировок, стремящихся подчинить себе весь Китай, нельзя объяснить исключительно честолюбием того или иного маршала и даже тем, что слабые милитаристы вынуждены всегда искать защиты у более сильного и тем самым создавать некоторую иерархичность отношений, некоторую централизацию. Все это имеет место, но в подоснове этого процесса лежат причины более глубокие.

Рост массового революционного движения в стране, далеко переливающийся за провинциальные рамки, создает смертельную угрозу всему существующему строю в целом. Защищать дело реакционных классов при отсутствии твердой центральной власти становится все труднее и труднее. Стремление к созданию сильной генеральской власти, которая беспощадно расправлялась бы со всякими попытками к освобождению, откуда бы они ни исходили, начинают проявлять и те группы, которые внутри страны были наиболее активными проводниками идеи расчленения Китая.

Разве не факт, что в моменты наивысшего напряжения революционного движения даже в

империалистическом лагере начинают раздаваться голоса в пользу создания военной диктатуры для всей страны. Создание такой генеральской диктатуры на основе борьбы с революцией было бы полным завершением круга, т. е. возвращением в той или иной форме к дореволюционному положению. Совершенно очевидно, что такое объединение означало бы в то же время полную победу контр-революции. (В иностранной прессе недаром появляются время от времени неизвестно кем инспирированные сообщения о том, что Чжан-Цзо-Лин собирается торжественно возложить на себя императорскую корону.) Возможно это объективно или нет — вопрос другой, но, во всяком случае, такие тенденции среди китайской реакции несомненно существуют.

Рядом с общими признаками, характерными для всей системы, нельзя не заметить в китайском дудзюнате и наличия некоторой дифференциации. В силу крайней децентрализации власти, последняя в после революционном Китае стала подвергаться сильному влиянию чисто местных интересов. Государство всегда, в конечном итоге, является исполнительным органом господствующих экономически классов, и царящий в современном Китае порядок лишним раз подтверждает эту марксистскую истину. Китайские провинции по своему хозяйственному укладу и социальным отношениям не однородны. В одних экономически командуют группы реакционные, в других — сравнительно высок удельный вес буржуазии Эта неоднородность социального уклада делает неоднородным и характер власти по отдельным провинциям.

Интересный пример представляет собой в этом отношении дудзюн провинции Шань-Си Ен-Си-Шан. В этой провинции большую роль играет туземная буржуазия. Еще в 1903 г. группе китайских капиталистов, образовавших патриотическое общество, удалось выкупить у иностранной компании богатейшие в провинции угольные копи. (См. Ходоров, *Народное хозяйство Китая*, стр. 169). Даже металлургическая промышленность в этой провинции Принадлежит туземному капиталу. Выразителем интересов командующей в Шань-Си китайской промышленной буржуазии стал Ен-СиШан. Этот «образцовый» дудзюн строит дороги; вы ступает в роли организатора провинциального банка (Шансийский банк — один из сильнейших среди китайских банков); не тратит слишком много средств, по сравнению с другими дудзюнами, на военные нужды; в драку милитаристов ввязывается редко — одним словом, ведет политику, направленную на удовлетворение основных нужд туземной буржуазии. (Первую настоящую войну Ен-Си-Шан ведет сейчас против Чжан-Цзо-Лина.) Здесь мы имеем факт приспособления старого аппарата к интересам нового класса. Режим военной диктатуры в провинции Шань-Си, не по форме, конечно, а по своей политике, является буржуазным режимом.

Но роль дудзюната в Шань-Си скорее исключение, чем правило, в Китае. Прямую противоположность Ен-Си-Шану составляют дудзюны тех провинций, где национальная промышленная буржуазия очень слаба или ее вовсе нет. Там дудзюнат является сколком старой монархии в ухудшенном издании.

Гражданская война в Китае периода 1920-1924 гг., до выступления на сцену революционных масс, очень часто изображалась как генеральская склока. Но если отвлечься от субъективных интересов драчливых милитаристов, то смысл этой борьбы окажется глубже. Всем объективным ходом истории Китай XX в. был властно поставлен перед необходимостью национального объединения. Внутри страны центробежные тенденции стали все более и более растворяться в стремлениях центростремительных.

К 1920 г. в стране сложились основные милитаристские группировки. Период войны всех против всех в основном закончился. За групповыми интересами стали понемногу вырисовываться социальные очертания. Делается очевидным, что основной пружиной войны является вопрос о создании центральной власти. Собственно, серьезных и откровенных противников идеи централизации внутри Китая уже нет. Спор идет вокруг вопросов о том: кто объединит Китай, какими методами и во имя чего?

Особенно рельефно в этой борьбе выделяются три группировки, каждая из которых связана определенными территориальными рамками. Это: фынтянская, или мукденская, группировка во главе с Чжан-Цзо-Лином — в Маньчжурии; чжилийская, базировавшаяся при У-Пей-Фу на провинции долины Ян-Цзы, и революционный Юг во главе с Сун-Ят-Сеном. Эти три группы были наиболее серьезными претендентами на роль объединителей страны, причем только последняя (Кантон) носила характер

политической организации; первые две были типично милитаристскими объединениями, ориентирующимися на ту или иную военную фигуру.

В разгар войны между У-Пей-Фу и Чжан-Цзо-Лином была очень распространенной такая упрощенная схема: Чжан-Цзо-Лин — наемник Японии; У-Пейфу — Англии. Эта схема допускала вывод о том, что в сущности в Китае никакой гражданской войны нет — идет лишь борьба между великими державами, пользующимися для своих целей местными милитаристами.

Наиболее убедительное опровержение этого положения дает фигура самого У-Пей-Фу. Из всех китайских милитаристов последний является тем лицом, которое откровеннее и, пожалуй, энергичнее всех других дудзюнов боролось за создание генеральской диктатуры, за централизацию государства. Трудно представить себе, чтобы Британия давала такие поручения своим наемникам в Китае. Правда, У-Пей-Фу несомненно получал финансовую и всякую иную поддержку со стороны Англии, но эта помощь объясняется, во-первых, тем, что У-Пей-Фу вел почти непрерывную войну с революционным югом, в ослаблении которого Англия была заинтересована; во-вторых, тем, что она боялась победы Чжан-Цзо-Лина, Который в тот период был особенно тесно связан с японцами; в-третьих, У-Пей-Фу был силой именно в тех провинциях, где сосредоточены британские интересы, и не считаться с ним Англия не могла; в-четвертых, она финансировала бы кого угодно, лишь бы поддержать

хаотическое состояние Китая, в котором он находился после революции 1911 г. Кроме Англии в числе держав, оказывавших поддержку У-Пей-Фу, упоминались еще иногда С.-А.С.Ш.

Однако, помимо Англии (и Америки) существовал другой источник, из которого У-Пей-Фу черпал не только материальную помощь, но и «социальный заказ». Этим источником была туземная буржуазия центрального района. Долина Ян-Цзы это — центр туземной промышленности и, следовательно, центр национальной буржуазии. Эта буржуазия мечтала о таком объединении, которое привело бы к подчинению всего остального Китая ее интересам. Невольным выразителем этих интересов сделался, связанный всей своей карьерой с центральными провинциями, генерал У-Пей-Фу. Недаром после каждого поражения он находил поддержку и новые силы именно в этих провинциях. Отсюда же и националистическая окраска, отличающая его от многих других милитаристов.

Был момент, когда после военной победы в 1922 г. над Чжан-Цзо-Лином У-Пей-Фу был близок к завершению своей цели — созданию сильного центрального правительства и единой армии, но этот момент оказался очень коротким. Диктатура У-Пей-Фу означала, во-первых, утверждение его личной власти над всеми остальными дудзюнами; во-вторых, усиление интересов Среднего Китая над интересами других частей его.

Первое было неприемлемо для честолюбия других генералов; второе — для тех районов Китая, которые

по хозяйственному укладу своему были совершенно отличны от Китая Срединного.

Против У-Пей-Фу образовался весьма причудливый блок между махровым реакционером Чжан-Цзо-Лином, с одной стороны, и Сун-Ят-Сеном — с другой.

Если оставить в стороне личные интересы Чжан-Цзо-Лиана, играющие в политике мукденской клики не последнюю роль, то главная причина вражды мукденцев к чжилийцам лежит в экономическом характере Маньчжурии. В провинциях, объединяемых этим общим названием, очень слабо развита национальная буржуазия. Крупные предприятия Южной Маньчжурии находятся в руках Японии. Туземный капитал, поскольку он существует, теснейшим образом связан с японским. Зато в этих же провинциях сильно развита сельская буржуазия, выбрасывающая значительные хлебные излишки на внешний рынок. Интересы маньчжурского кулачества требуют известной самостоятельности; они не могут пойти на признание экономической и политической гегемонии Срединного Китая. Тесная связь с японским империализмом и отсутствие развитой туземной буржуазии в Маньчжурии — делают мукденскую группировку наименее национальной из всех сил, борющихся внутри Китая.

Совершенно иные мотивы лежат в основе вражды между Срединным Китаем и Южным. В то время как провинции, прилегающие к Ян-Цзы, были охвачены промышленным переворотом, юг Китая оставался мелкобуржуазным. Мелкая же буржуазия больше всего терпит от иностранного гнета, она же страдает и

от роста в стране крупной туземной буржуазии. Хотя проникновение иностранного капитала в Китай 78 началось именно с Гуандуна (Кантон), но с конца XIX века центр тяжести его интересов переносится на север. Юг оказывается в стороне от промышленной революции, охватившей районы Шанхая, Ханькоу, Тянь-Цзиня и т. д.

Мелко-буржуазным характером юга объясняется и его революционная роль в истории Китая последних десятилетий. Разоряемая со всех сторон и цепляющаяся за остатки своей экономической самостоятельности мелко-собственническая буржуазия была до поры до времени самым непримиримым врагом и империализма и той милитаристской системы, которая царила внутри страны. Вот почему юг Китая стал цитаделью Гоминдана, державшим там в своих руках государственную власть даже в те годы, когда на севере он еще не пользовался почти никаким влиянием. И в то время как милитаристские группы севера несли Китаю на острие генеральскую диктатуру, Кантон на своем знамени начертал лозунги борьбы за конституцию и демократическое устройство Китая.

Нас сейчас не занимают все сложные перипетии, имевшие место в войне 1920—1924 гг. Как в калейдоскопе мелькают имена генералов, возникают фронты, заключаются неожиданные союзы и совершаются, всегда ожидаемые, измены. Поход У-Пей-Фу на Пекин против японофильского кабинета Дуань-Ци-Жуя (1920 г.) положил начало могуществу чилийской партии. Затем, удачным походом У-Пей-

Фу против хубейского дудзюна, Вань-Чжан-Юаня (1921 г.), начинается его карьера в роли объединителя странь Высшей точкой могущества и У-Пей-Фу и чжилийской партии можно считать период от военной победы над Чжан-Цзо-Лином в 1922 г., когда последний сделал вылазку из Маньчжурии с целью борьбы за сохранение поста премьера в руках своего ставленника, ЛянШи-И, — до разгрома чжилийцами дудзюна провинции Чже-Цзян, Лу-Юн-Сяна, в августе 1924 г. Изменой Фын-Юй-Сяна, последовавшей вскоре после этого в момент наивысшего напряжения военных действий между У-Пей-Фу и Чжан-Цзо-Лином, начинается закат самой блестящей карьеры в истории китайских милитаристов.

Если в этот период линия фронта очень часто проходила между мукденцами и чжилийцами, то исторически она лежала в другом месте. И Чжан-Цзо-Лин и У-Пей-Фу по методам своим мало отличались друг от друга. Победа того или другого не имела бы решающего значения для судеб Китая, будущее которого должно было решиться не в боях между отдельными милитаристами, а в неизбежном столкновении между милитаристским севером и революционно-демократическим югом.

Как пойдет объединение Китая: путем революции сверху или через революцию снизу? Объединит ли ее «железом и кровью» какой-нибудь удачливый генерал, и тогда объединение достанется ценой жертвы насущными интересами народных масс и в борьбе с этими массами? Такое объединение прежде всего удовлетворило бы потребности реакционных

классов в сильной власти, с другой стороны, оно бы дало возможность капиталистической верхушке китайского общества использовать централизованный аппарат в своих интересах. Или же Китай будет объединен движением снизу, т. е. революцией, которая опрокинула бы все преграды, ставшие на пути развития китайского народа. В этих вопросах, в сущности, скрывался объективный смысл той борьбы, которая получила, в силу ряда обстоятельств, внешнее выражение в виде войны генералов.

Основные итоги этого периода гражданской войны в Китае сводятся к следующим урокам: 1) что, несмотря на то, что из среды милитаристов время от времени выдвигаются силы, борющиеся за централизацию власти, все же самый характер дудзюната исключает возможность объединения страны методами исключительно военно-бюрократическими; 2) что, рядом с препятствиями внутреннего характера, серьезнейшей преградой на пути объединения Китая является иностранный империализм, для которого политика раз дела страны остается главнейшим устремлением; 3) что конституционализм в Китае исключен при методах военной диктатуры; 4) что, по своему характеру, китайский милитаризм не может быть орудием анти империалистической борьбы.

Из всего этого национальное движение должно было сделать тот вывод, что дальнейшая борьба за объединение Китая возможна только на основе роста массового движения в стране, направленного против милитаристов и, одновременно, против связанных с ними и их поддерживающих империалистов. Для

усвоения вот этой, на первой взгляд простейшей истины, понадобился опыт гражданской войны 1920—1924 гг. Об этом свидетельствует тот факт, что известный перелом в идеологии и особенно в тактике Гоминдана падает как раз на последние годы этого периода.

По существу, в это же время, т. е. примерно в 1924 г., находит свое завершение тот длительный этап в истории китайской революции, который начался в 1911 г. В перевороте 1911 г. решающую роль играла армия; массового революционного движения в стране, в подлинном смысле этого слова, тогда не было. Ориентация на военную силу сделалась с тех пор альфой и омегой национально-революционной борьбы. Даже Сун-Ят-Сен, несмотря на всю искренность своего демократизма, придавал слишком большое значение чисто военному походу. Ориентация на массы до последних двух лет его жизни и у него, по сути дела, не проявлялась.

С завершением этого этапа в истории национально-освободительной борьбы приходит к концу и та исключительная роль, которую до сих пор играла в движении национальная буржуазия.

4. Китай после революции 1911 года. (*Буржуазия, пролетариат и крестьянство.*)

Бурными событиями последних трех лет (1925—1927 гг.) обозначился резкий перелом в истории национально-революционного движения в Китае. В этот период оформилось классовое самосознание

буржуазии и пролетариата и определилось место крестьянства в национально-освободительной борьбе. За эти несколько лет дифференциация классовых сил в Китае сделала такие успехи, которые в Зап. Европе требовали целых десятилетий.

Особенно заметно за этот короткий срок изменилась роль буржуазии. Как класс, последняя стала складываться в годы империалистической войны. Именно в это время выросли как грибы китайские предприятия, и стали оформляться интересы национальной промышленной буржуазии. Большую роль в создании национальной промышленности сыграли средства, накопленные в посреднической торговле. Соответственно этому можно сказать, что значительная часть китайских капиталистов вышла из компрадорской среды. Это обстоятельство наложило отпечаток на физиономию промышленной фракции китайской буржуазии и не могло не отразиться Также и на характере ее компрадорской части.

Неправильно думать, будто между этими двумя крылами китайской буржуазии существует резкая пропасть, будто интересы их во всем прямо противоположны. И среди компрадоров есть элементы, стремящиеся вложить свои средства в те или иные предприятия, но на их пути стоят различные препоны в виде неравноправных договоров, отсутствия таможенной автономии и пр., так что и у известной части компрадорской буржуазии можно встретиться с националистическими настроениями. Но в основном эта группа сохраняет все же тесные связи с империализмом. Она слишком далека от

подлинной революционности и служит скорее связующим звеном между иностранным и национальным капиталом.

С другой стороны, и промышленная буржуазия, благодаря этой связи с компрадорскими элементами, а через них и с иностранным капиталом, отличается некоторой двойственностью своего характера. Интересы туземной промышленности толкают ее на анти империалистическую борьбу, на национальную революцию; в это же время компрадорская буржуазия тянет ее на путь компромиссов и уступок империализму. О том, что связь известной части компрадоров с национальным движением не выдумана нами, свидетельствует тот факт, что и в Гоминдане все время имелась группа, — так называемая, крайняя правая, — которая представляла в нем интересы компрадоров. Идеологически и политически эта группа вела за со бой и правых гоминдановцев — представителей крупной буржуазии и богатого купечества.

Помимо связей между промышленной и компрадорской буржуазией существует еще, несомненно, цепочка, ведущая от промышленной буржуазии города к эксплуататорским слоям деревни, с которыми она связана тысячами нитей через деревенских ростовщиков и через тех же компрадоров. Капиталы, накопленные докапиталистическими способами в земледелии, в известной мере оплодотворяют туземную промышленность и, тем самым, создают некоторую заинтересованность промышленной буржуазии в со

хранении тех порядков, которые царят в китайской деревне.

Таким образом мы видим, что от китайской буржуазии идут нити к иностранному капиталу и к полуфеодальному укладу деревни, т. е. к тем явлениям в китайской жизни, которые объективно являются главнейшими препятствиями на пути самостоятельного развития туземной промышленности. Эти замечания необходимо было сделать для того, чтобы яснее стали причины колебаний, каким была подвержена китайская буржуазия, даже в те моменты, когда ее участие в революционной борьбе достигало своего кульминационного пункта. Без этого будут так же непонятны и специфические черты, отличающие идеологию китайской буржуазии.

Молодость туземной буржуазии вместе с отсутствием четких линий размежевания между нею и другими классами общества — были причиной того, что революционные события 1925—1927 гг. застали ее политически неорганизованной и идеологически не оформленной. (Это преувеличено. В действительности дайчитаоистская интерпретация сунятсенизма была типичной идеологией китайской буржуазии. Ред.) Гоминдан этих лет так же мало может считаться буржуазной партией, как и сунятсенизм — типично-буржуазной идеологией. Не успев создать своих классовых организаций, буржуазия в момент наивысшего подъема революционной волны вынуждена была пользоваться Гоминданом, как организационным и политическим

центром движения, причем в блоке всех классов, участвовавших в антиимпериалистической борьбе, буржуазия далеко не все время была руководящей силой. Сама измена Чан-Кай-Ши и раскол Гоминдана (1927 г.) свидетельствовали о том, что буржуазия не владела Гоминданом, иначе она бы из него не ушла.

Слабость китайской буржуазии в тот период, когда складывалось национально-освободительное движение, объясняет нам, почему роль фактического руководителя в национальной борьбе выпала на долю мелкой буржуазии и, в особенности, на наиболее культурную часть ее — на мелко-буржуазную интеллигенцию. (Говоря об «уходе» буржуазии из ГМД и о том, что роль фактического руководителя, в национальной борьбе играла мелкая буржуазия, автор неверно оценивает положение вещей. В действительности буржуазия не ушла из ГМД, а выбросила оттуда все революционные элементы. Так же несомненно, что в основном руководителем нац. борьбы на первом этапе была буржуазия, что впрочем и заявляет сам автор на стр. 88. Ред.) Преобладающая роль мелкой буржуазии в движении сделала Гоминдан партией промежуточных слоев, т. е. мелко-буржуазной.

Рыхлости социального состава Гоминдана вполне соответствовала и его идеологическая рыхлость. Сунятсенизм, с его тремя принципами: национализм, демократия и социализм, — был до поры до времени чрезвычайно удобной идеологией для всех, кто боролся в рядах китайской революции. Каждый мог выбрать для себя тот принцип, который больше всего

импонировал его классовой природе. И только в тот период, когда национальный фронт встретился лицом к лицу с массовым движением, сам Сун-Ят-Сен сделал значительный поворот в сторону этих масс, поворот, отразившийся и в тактике и в программе Гоминдана.

Но поворот Гоминдана, руководимого Сун-Ят-Сеном влево, как раз и послужил для буржуазии лишним толчком к оформлению ее собственной идеологии. К тому же и сама она к этому времени выросла в значительную силу. В роли выразителя идеологии промышленной буржуазии Китая выступает вождь центра Гоминдана — Дай-Чи-Тао. В его лице мы имеем своего рода китайского Струве, который пытается истолковать и использовать сунятсенизм в Китае точно так, как Струве в свое время поступал с марксизмом в России. Как всякий ревизионист, он исходным пунктом берет учение своего учителя, в данном случае три принципа Сун-Ят-Сена, но из них он выводит теорию капиталистического развития Китая. Отрицая деление общества на классы, он и в сунятсенизме видит главную ценность в тех взглядах, которые пересмотрены были самим Сун-Ят-Сеном. Внутри Гоминдана Дай-Чи-Тао имел своим последователем Чан-Кай-Ши и всю группу центра, представляющую в Гоминдане интересы промышленной буржуазии.

Французская буржуазия накануне своей революции создала в лице просветителей XVIII столетия подлинно революционную, для своего времени, идеологию. Китайская буржуазия, выступая на сцену в эпоху увядания этого класса во всем мире, обречена

с самых юных лет на собачью старость. Сунятсенизм был (и может оставаться) революционной идеологией, пока он выражает устремление широчайших масс, но стоит буржуазии, оформливающей свое классовое самосознание, прикоснуться к нему, как он превращается в идеологию реакционную. Руками Дай-Чи-Тао из сунятсенизма вытравлено все революционное; как европейская социал-демократия в дни своего разложения пытается примирить Маркса с Кантом, а социализм — даже с католицизмом, точно так же и китайская буржуазия, в процессе отмежевания от революционных масс, пытается в лице дайчитаоизма подвести под сунятсенизм реакционный базис в виде старой конфуцианской философии.

Процесс идеологического и политического отмежевания китайской буржуазии от национальной революции завершился лишь в тот момент, когда рост массового пролетарского движения в городе и аграрное движение в деревне грозили, слившись в общий поток, перерасти в аграрную революцию. Но до лета 1927 г. промышленная буржуазия Китая была, несмотря на ряд колебаний, составной частью революционного фронта.

Неудачи объединительных попыток сверху (У-Пей-Фу); разгул милитаризма в стране и вызванный им рост нищеты; усиление империалистической экспансии в Китае и отказ империалистов от всяких уступок в экономических вопросах (таможенная автономия); взаимная поддержка, оказываемая империалистами и милитаристами друг другу против

национального движения, — все это толкнуло туземную буржуазию на путь антиимпериалистической и антимилитаристической борьбы.

Хотя события 1925 г. в Шанхае (общая стачка, антианглийский бойкот), развязавшие силы национальной революции, и получили свое начало в выступлениях рабочего класса, но все же с тех пор и до начала лета 1927 г. мы видим китайскую буржуазию в рядах антиимпериалистического и антимилитаристического фронта. Эти два года вписали лучшую страницу в историю национальной буржуазии Китая, страницу, правда, покрытую темными пятнами в виде переворота Чан-Кай-Ши в марте 1926 г., антирабочего законодательства кантонского правительства во время северного похода и т. д. (Антирабочее законодательство, начатое еще в декабре 1926 г. в Ханькоу и Кантоне, о введении принудительного арбитража, разоружения пикетов гонконгских стачечников, ликвидации гонконгской стачки и т. д.) Но нельзя отрицать, что своими успехами северный поход обязан исключительно тому, что фронт реакционных милитаристов встретился лицом к лицу с враждебным ему блоком четырех классов: буржуазии, пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Ни буржуазия, ни пролетариат не способны были в 1926 г. справиться самостоятельно с задачами, связанными с организацией антиимпериалистического похода, отсюда — революционное значение того временного блока,

который образовался между этими классами и благодаря которому китайская революция вышла из гуандунской «глуши» на большую арену промышленно-развитого Среднего Китая.

Однако, Северный поход в своем кульминационном пункте (заяятие промышленных центров) положил конец революционности китайской буржуазии. В тот момент, когда дальнейшее движение революции стало возможно лишь по пути аграрной революции, буржуазия сделала резкий поворот. Борьба за гегемонию в революции между нею и рабочим классом кончилась тем, что буржуазия оставила ряды революционного фронта. Из класса революционного она превратилась в класс реакционный.

В истории китайской революции можно наметить три этапа. 1. Ни рабочий класс, ни крестьянство не участвуют в движении самостоятельно, т. е. не выдвигают своих собственных требований. Национальное движение не выходит за рамки буржуазных интересов. Главным руководителем движения, не носящего еще массового характера, остается, в конечном итоге, буржуазия (1911—1924 гг.). 2. В борьбу втягиваются рабочие, а позже и крестьянские массы. И те и другие выдвигают свои особые требования, сводящиеся в основном к стремлению довести буржуазную революцию до конца, т. е. превратить ее в революцию буржуазно-демократическую. Внутри революционного лагеря разгорается борьба между рабочим классом и буржуазией за руководство мелко-буржуазными массами города и деревни, т. е. за гегемонию в

революции. Эта борьба не мешает им до известного времени идти вместе против общего врага в лице реакционных классов и империалистов (шанхайские события, северный поход). Но угроза аграрной революции и массовое революционное движение в городе отпугивают буржуазию и отбрасывают ее в лагерь реакции. В революции завершается второй этап (1925—1927 гг.). 3. Гегемоном в революционной борьбе становится пролетариат, ведущий за собой крестьянство и мелкую буржуазию города. Этот этап революции развертывается в настоящее время.

Редкая в истории рабочего класса быстрота, с какой китайский пролетариат завоевал эти позиции, вызывает порой изумление. Как же это могло случиться, что в стране, где пролетариат обнимает $\frac{1}{2}\%$ всего населения, роль гегемона в буржуазной революции выпала на его долю, — вопрос, с которым приходится сталкиваться довольно часто! Ведь, действительно, на 436 млн китайцев мы имеем промышленных рабочих 2720000 и 2350000, (Среди них 400000 домашней прислуги.) работающих в отсталых отраслях и кустарном производстве. Если к малочисленности китайского пролетариата прибавить еще его молодость, то значение этого вопроса станет еще более ясным.

Пока мы будем исходить из голого арифметического расчета, ответ на этот вопрос найти будет трудно. Но в том-то и дело, что в оценке удельного веса того или иного класса ни в коем случае нельзя ограничиваться простой арифметикой, — без помощи «революционной алгебры» в данном случае не

обойтись. Только при учете ряда факторов, игравших и играющих в истории китайского пролетариата большую роль, можно объяснить, почему его удельный вес в стране гораздо значительнее, чем можно было ожидать по его численности.

В числе этих факторов на первом месте должно быть отмечено экономическое положение китайских рабочих. Рабочий день в Китае не регламентирован. Во всяком случае, он, не опускаясь ниже 10 часов, достигает иногда 18 часов. В Шанхае, где условия труда сравнительно лучше, чем в других местах, рабочий день на многих предприятиях продолжается без перерыва для отдыха 14 часов. В угольных районах практикуется 20-часовой рабочий день под землей с после дующим 12-часовым отдыхом. Воскресного или какоголибо другого обязательного дня отдыха в Китае нет. 70% китайских рабочих не пользуются отдыхом, прерывая свою работу лишь на время празднования Нового года.

Рабочий день подростков ничем не отличается от рабочего дня взрослых. Даже английский генеральный консул в Шанхае, г. Бертон, вынужден был в донесении, адресованном своему правительству в 4 г., высказаться в пользу такой «крайне либеральной» меры, как: «выработка обязательных правил, по которым каждому ребенку моложе 14 лет дается 24 часа непрерывного отдыха, по крайней мере, каждые две недели». (Цит. по сб. «Вопросы китайской революции», т. I. М. 1926 г. «Донесения английских консулов в Китае».) Детский труд в промышленности применяется с 7, 8-летнего возраста.

Охраны труда в китайской промышленности нет никакой. Изданное в 1923 г. министерством земледелия и торговли «Временное общее положение о фабриках», предпринимателями как китайскими, так и иностранными совершенно игнорируется. По отзыву того же г. Бертон, это положение «подобно многим другим ведомственным положениям, обнародованным в Пекине, оно действует на словах, а не на деле». Китайский рабочий, работница или подросток абсолютно бесправны перед лицом фабричной администрации. От признания этого факта не смог удержаться в своем официальном донесении английский представитель в Чифу. Под заголовком «Рай для предпринимателей» он пишет: «Во всех отраслях промышленности предприниматели являются абсолютными господами, вплоть до права жизни и смерти».

В отношении заработной платы установлено, что 40% китайских рабочих получает оплату ниже прожиточного минимума. Приводим сравнительную табличку оплаты китайских, американских и японских рабочих:

Американский рабочий 51,42 иены в неделю.

Японский рабочий 15,14 иены в неделю.

Китайский рабочий 3,68 иены в неделю.

Американский каменщик 66 иены в неделю.

Китайский каменщик 4 иены в неделю.

В одном и том же районе труд японского рабочего оплачивается в 2,5 раза больше чем труд китайского. И без того нищенская оплата китайских рабочих еще более снижается, благодаря широко практикуемой системе штрафов и залогов. К тому же наем на фабрику совершается зачастую через посреднические конторы, которым рабочий выплачивает известную долю своей заработной платы. Жилищные условия китайского рабочего вполне соответствуют условиям его труда и его заработной плате.

Неудивительно после этого, что китайский пролетариат с первого дня существования повел отчаянную борьбу за улучшение своего положения. Даже наиболее честные буржуазные наблюдатели, побывавшие в Китае, констатируют, что китайский рабочий живет хуже чем английский — сто лет назад. Но сто лет тому назад, т. е. в эпоху завершения промышленного переворота в Англии, английский пролетариат вел большую революционную борьбу, закончившуюся одним из величайших движений в истории мирового пролетариата — чартистским. Экономическое положение китайского пролетариата настолько безвыходно, что и его борьба против невыносимых условий труда, существующих в китайской промышленности, неизбежно должна привести к движению еще более мощному, чем в свое время чартистское в Англии.

Не менее убийственным чем положение промышленного пролетариата является положение рабочих кустарного производства и вообще наемных рабочих всех других отраслей. Рабочий день в

кустарной промышленности еще выше чем на капиталистических предприятиях. Там работают с восхода солнца до наступления темноты. Например, рабочий день медников продолжается 15 часов. О положении китайского кули уже говорить не приходится. Редко можно встретить кули за 45 лет. Непосильный труд и голодное существование убивают его. Значительная часть китайских кули обыкновенно не женится, так как их заработка не хватило бы на прокормление семьи.

В силу своего положения эти слои китайского пролетариата не могут быть вычеркнуты из революционных рядов, что они неоднократно уже доказали своим участием в антиимпериалистической борьбе.

Рабочий класс Китая, несмотря на ранний возраст, поражает своей сравнительно высокой классовой организованностью. В 1924 г. числилось 322000 рабочих, организованных в профессиональные союзы. На VII пленуме Коминтерна докладчик по китайскому вопросу Тан-Пин-Сян говорил уже о цифре в 1200000 организованных рабочих. К марту 1927 г. их было уже около 3-х млн. (В своем докладе на III съезде Китайской компартии (открывшемся 1 мая 1927 г. в Ханькоу) т. Чен-Ду-Сю количество организованных в профсоюзы рабочих определил в 2800000 ч. По отдельным провинциям профсоюзы насчитывали: в Чжецзяне и Цзянсу — 1300000 ч., в Хубее — 400000 ч., в Чженане — 356000 ч., в Гуандуне и Гуаньси — 520000 ч. и т. д. Понятно, что ныне в результате разгрома движения это число уменьшилось.).

Разумеется, большинство китайских профсоюзов очень слабо сколочены. В моменты широкого стачечного движения ряды их заполняются десятками тысяч пролетариев, с тем, чтобы в минуты отлива снова поредеть. В некоторых районах страны (юг) сильно дают себя чувствовать старые цеховые организации, с трудом поддающиеся перестройке на современный лад, но во время северного похода некоторой ломке подверглась и цеховщина. Китайское рабочее движение в целом отличается боевым характером, выражающимся как в непрерывной стачечной борьбе, так и в быстром перерастании экономических стачек в политические. Первая массовая стачка китайских рабочих падает на 1922 г. Это — забастовка гонконгских моряков в январе 1922 г. Интересна прежде всего та волна солидарности, которая была вызвана этой первой крупной стачкой. Первую поддержку бастующим морякам оказали железнодорожники Пекин-Ханькоуской дороги, к ним примкнули печатники, которые не давали распространять ложные сведения о стачке. Победа гонконгских стачечников над иностранными предпринимателями сыграла роль живительного ветра для всего рабочего движения Китая. Она показала, что при взаимной поддержке рабочие могут добиться многого.

Следующая крупная стачка в истории рабочего движения Китая имела место в феврале 1923 г. на Пекин-Ханькоуской ж. д. Кровавое подавление этой стачки беспощадной рукой маршала У-Пей-Фу сыграло роль своего рода 9 января для китайских

рабочих, показав, что без сокрушения милитаристов рабочий класс свободы для себя не добьется.

Характерно, что уже первые экономические выступления рабочего класса Китая окрашиваются в политической цвет. Да это и вполне понятно. Каждый шаг китайского пролетариата наталкивается на иностранное засилье и на гнет милитаристов. Каждое его экономическое движение толкает его на путь политической борьбы. И если еще в 1919 г. китайская буржуазия была руководительницей антияпонского движения (в связи с 21 условием), то с 1922 г. в роли застрельщика всякой антиимпериалистической борьбы уже выступает китайский пролетариат.

Большую дозу политических требований заключает в себе стачка китайской прислуги в Шамине в 1924 г. И, наконец, столь богатый событиями 1925 г. с его знаменитой шанхайской забастовкой. Начавшись с экономического конфликта на одном из японских предприятий, шанхайское движение, после бойни, устроенной англичанами против демонстрантов на главной улице Шанхая, — вылилось в мощный антиимпериалистический поток, вовлекший в свое русло все прогрессивные элементы Китая. Что касается гонконгской стачки 1926 г., то она со дня своего возникновения, носила чисто политический характер.

Огромное значение для успехов северного повода имели забастовки железнодорожников в марте 1927 г., направленные к тому, чтоб помешать передвижению северных войск против кантонцев. Нелишне напомнить и о двух стачках шанхайских рабочих

против милитаристов: февральской, закончившейся разгромом, а затем мартовской, переросшей в вооруженное восстание и закончившейся взятием Шанхая революционными войсками. Если к этому добавить, что стачечное движение не прекратилось и после переворота Чан-Кай-Ши, то картина необычайной живучести и упорства, проявляемых китайским пролетариатом, встанет во всей своей полноте.

Датируя начало массового рабочего движения в Китае 1922-м годом и обозревая путь, пройденный им за пять лет, мы вынуждены констатировать поразительные результаты. От первых крупных экономических стачек 1922 г. через всеобщую шанхайскую забастовку 1925 г. к вооруженному восстанию в том же Шанхае в марте 1927 г. Здесь мы встречаемся с таким темпом революционного развития пролетариата, перед которым отстывает даже история рабочего класса в России. Если не считать орехово-зуювской стачки в 1885 г., то от первого массового стачечного движения в середине 90-х гг. до первого вооруженного восстания пролетариата в декабре 1905 г. у нас прошло 10 лет, а китайским пролетариатом этот путь пройден в пять.

Боевой путь, пройденный рабочим классом Китая, естественно, должен был привести его к созданию революционной партии, во-первых, и к оформлению революционной идеологии, во-вторых. И в самом деле. В Китае существует коммунистическая партия, пользующаяся исключительным влиянием среди промышленного пролетариата, но там нет социал-

демократической организации. Когда наша профсоюзная делегация побывала во второй половине 1925 г. в Китае, то она там не встретила ни одного живого представителя Второго или Амстердамского интернационала; или, когда припертые к стенке и уличенные в предательстве китайской революции Мальбруки II Интернационала якобы собрались в поход против империализма, и им для инсценировки своей связи с китайским пролетариатом до зарезу потребовался китайский социал-демократ, то искать его пришлось... в Париже.

В китайской действительности реформизм не находит себе благодатной почвы. Несколько аристократических союзов (например, кантонские механики) и пара, другая штрекбрехерских организаций погоды в китайском рабочем движении не делают. Знаменательно, что всячески поощряемые властью желтые профсоюзы, созданные после переворота Чан-Кай-Ши, никаким авторитетом в массах не пользуются. Стачным движением в Шанхае, например, до сих пор руководит из подполья Совет профсоюзов.

По адресу китайского пролетариата, из лагеря его европейских или американских «доброжелателей», раздаются часто упреки в том, что он, мол, действует теми методами, какими английский рабочий действовал 100 лет назад и не хочет пользоваться непосредственно опытом современного западно-европейского или американского рабочего движения. По существу, это — прямой призыв воспользоваться богатым опытом и услугами европейских

реформистов. Но, как мы видели, весь характер рабочего движения Китая исключает возможность прививки ему реформистских тенденций.

Европейское рабочее движение в довоенный период было представлено двумя крайне противоположными друг другу типами: на одном полюсе мы находим там английское рабочее движение — тред-юнионистское, характеризующееся полным забвением исторических задач рабочего класса во имя интересов сегодняшнего дня, подчинением политических задач экономическим и, соответственно этому, преобладанием экономических организаций пролетариата над его организациями политическими; на другом — рабочее движение в России с характерным для него сочетанием экономической и политической борьбы, с движением целеустремленным в сторону решения основных своих исторических задач и с подчинением этой цели интересов минуты, с руководящей ролью политической организации пролетариата — его революционной партии.

Эта противоположность типов обусловлена различными ходом исторического процесса в Англии и России. Если внимательно присмотреться к тому, как развернулась в последние десятилетия история китайского народа, то можно прийти к твердому убеждению, что путь китайского пролетариата лежит в том же направлении, которое в свое время пройдено пролетариатом нашей страны. Если рабочему классу Европы, в значительной своей части подверженному влиянию реформистов, предстоит путь от социал-демократии к большевизму, то рабочее движение

Китая сразу развивается как движение большевистское.

Этому способствует то обстоятельство, что в Китае мы имеем необычайно сильное сочетание гнета экономического, политического и национального. Китайский пролетариат с первых же шагов оказался вовлеченным и в политическую и антиимпериалистическую борьбу. Не имея никаких общих интересов ни с реакционными классами внутри страны, ни с иностранным капиталом и являясь самым организованным из угнетенных классов, рабочий класс стал непримиримым и самым опасным врагом китайской контр-революции. Нерешительная и постоянно оглядывающаяся назад туземная буржуазия очень скоро должна была уступить ему роль гегемона в революционной борьбе.

Успехи китайского пролетариата обусловлены еще тем, что годы его выступления на сцену совпали с годами острейшего напряжения классовой борьбы во всем мире. Факт существования государства пролетарской диктатуры сыграл огромнейшую роль в деле оформления классового самосознания китайского пролетариата. Авангард последнего — китайская ком партия, получая закалку в непрестанной революционной борьбе, была все время обеспечена руководством и поддержкой со стороны мирового пролетариата в лице его международного боевого органа — Коминтерна.

Новым для истории национально-революционного движения на втором его этапе явилось активное

участие в борьбе не только рабочих, но и широчайших крестьянских масс.

Крестьянское движение в Китае в последние годы развивалось по двум направлениям: по линии возрождения тайных революционных обществ, во-первых, и по линии создания крестьянских союзов, во-вторых. Первые получили особое распространение на севере, в районах, где почти ни на один момент не прекращалась борьба между милитаристами (Хэнань и прилегающие к ней провинции); вторые были особенно сильны в Гуандунской провинции, а затем, по мере продвижения революционной армии, охватывали Хунань и Хубей.

Крестьянские организации на севере, из которых наиболее влиятельной являются «Красные Пики», не носили отчетливого классового характера и были чаще всего орудием обороны деревни от грабителей и разоряющих ее милитаристов и туфеев. В провинции Хэнань это общество особенно сильно. Всем памятно, что «Красные Пики» решили участь 2-й Народной армии, Ио-Вей-Цзюна, когда она, разбухнув чуть ли не до 200 тысяч штыков, повела политику ограбления хэнаньской деревни не хуже обычных милитаристских армий. За последнее время в позиции «Красных Пик» намечается некоторый перелом в сторону классового оформления, вызванный как усилением в организации удельного веса бедняцких слоев деревни, так и работой китайской компартии.

На юге крестьянские организации приняли более отчетливый классовый характер. Там крестьянские союзы сразу должны были повести борьбу с

вооруженными помещичьими отрядами, созданными для защиты реакционных элементов деревни. После первого пере ворота Чан-Кай-Ши (март 1926 г.) (Имеется в виду выступление Чан-Кай-Ши 20 марта 1926 г., в результате которого тогдашний лидер левых гоминдановцев Ван-Чин-Вей был принужден выйти в отставку и руководство правительственным аппаратом перешло в руки гоминдановского центра в лице Тан-Иен-Кая, Сун-Фо и др.) помещиками Гуандунской провинции были приняты все меры для подавления крестьянских организаций и достигнуты в этом некоторые успехи; но с началом Северного похода мы снова встречаемся с мощным подъемом в деревне, охватившим к весне 1927 г. весь юг Китая (провинции Гуандун, Гуаньгин, Хунань, Хубей, и частично Фуцзянь и Цзянсин).

Сперва движение ограничивалось требованиями аграрной реформы. На первый план выдвигались требования об уменьшении налогов и снижении арендной платы. Но бешеное сопротивление со стороны господствующих элементов деревни и непрерывно нарастающая активность масс, в конце концов, привели к перерастанию борьбы за реформу в борьбу за аграрную революцию. Прежде всего достигла невиданных размеров численность крестьянских организаций. В одной провинции Хунань крестьянские союзы в мае 1927 г. насчитывали, по данным киткомпартии, 5204000 человек, в то время как в марте их было около 2000000. Если учесть, что в союз обычно вступают лишь по одному от семьи (глава), то фактически

захваченными движением оказалось еще большее количество крестьян.

Крестьянские союзы в начале 1927 г. стали фактической властью в Хунаньской деревне, где власть джентри оказалась местами начисто выметенной. «Организовавшись, крестьяне начали действовать. Главной целью их ударов являлись тухао, преступные джентри и самоуправляющиеся помещики, косвенно семейно-родовой уклад и идеология деревни... В этой борьбе несопротивляющиеся оставались в живых, сопротивляющиеся уничтожались. Результатом было то, что от существовавших тысячелетиями привилегий феодальных помещиков не осталось ни следа. Они были полностью уничтожены, как бы сметены с лица земли свирепым порывом ветра. После того как была сброшена власть джентри, крестьянские союзы стали единственным органом власти, действительно осуществив лозунг: «Вся власть крестьянским союзам». Даже для урегулирования таких мелких дел, как семейные дразги между мужем и женой, обращаются в крестьянские союзы...» (Мао-Дзэ-Дун, Письмо из Чанша от 18/1127 г. «Революционный Восток» № 2, стр. 107.)

Эту длинную выписку мы сделали потому, что она принадлежит перу непосредственного участника событий и как нельзя лучше освещает крестьянскую революцию. Немного ниже, в этом же письме, приводится такое положение, выдвинутое крестьянством: «Если у тебя есть земля, то ты

обязательно насильник. Нет джентри, который бы не был преступным».

Верные этому положению, крестьяне переставали платить арендную плату, что в китайских условиях равняется захвату земли, стали облагать штрафами джентри и помещиков, — одним словом; стали на путь гражданской войны в деревне.

Неудивительно, что измена уханьского командования, связанного с помещичьей верхушкой деревни, в частности хунаньской, совпала с моментом наивысшего подъема крестьянского движения. Аграрная революция отпугнула окончательно не только командиров-помещиков, но и ту часть буржуазии, которая поддерживала еще у ханское правительство. Переход национальной революции на высшую ступень оставил в революционном лагере лишь крестьянство, городскую бедноту и пролетариат. Естественно, что последний в этом новом блоке оказался единственным классом, способным играть роль гегемона.

Величайшей оппортунистической ошибкой, допущенной руководством киткомпартии, явилось его неумение и отчасти даже нежелание возглавить аграрную революцию. Вопреки тому, что делалось в деревне, вопреки настроению партийных низов, вопреки решениям Коминтерна и директивам его исполнительных органов, ЦК киткомпартии не смог отрешиться от типично оппортунистического положения: «Сперва расширение революции, потом ее углубление».

Помимо такой субъективной причины, как ошибка вождей компартии, временное поражение китайской революции обусловлено еще и причинами чисто объективного порядка. Рассмотрение их не входит в наши задачи.

5. Возможен ли кемализм в Китае?

Отрицательный ответ на этот вопрос сам собой напрашивается из всего изложенного выше. Здесь мы ограничимся некоторыми дополнительными соображениями, основанными на сравнении путей турецкой и китайской революций.

Значение Турции и Китая для мирового империализма несоизмеримо. В то время как овладение ки тайским рынком является вопросом жизни и смерти для империализма, турецкий вопрос к концу мировой войны свое былое значение потерял. Вот что говорит об этом т. Сталин в своих ответах на вопросы студен тов. университета Сун-Ят-Сена: «Следует также иметь в виду разницу между Китаем и Турцией с точки зрения международного положения. В отношении Турции империализм уже добился целого ряда своих основных требований, отобрав у Турции Сирию, Палестину, Месопотамию и другие важные для империализма пункты. Турция теперь низведена до размеров небольшого государства с населением в 10—12 млн. Она не представляет ни серьезного рынка, ни решающих точек приложения для империализма. Это могло случиться, между прочим, потому, что старая Турция представляла

конгломерат национальностей, и компактное турецкое население имелось лишь в Анатолии. Не то с Китаем. Китай представляет компактную в национальном отношении группу в несколько сот миллионов населения, составляющую важнейший рынок сбыта и вывоза капитала во всем мире. Если там, в Турции, империализм мог удовлетвориться отрывом ряда важнейших областей на Востоке, используя национальные антагонизмы внутри старой Турции между турками и арабами, то здесь, в Китае, империализм должен бить по живому телу национального Китая, разрезая его на куски и отбирая у него целые провинции для того, чтобы сохранить свои старые позиции или, по крайней мере, удержать часть этих позиций. Поэтому, если там, в Турции, борьба с империализмом могла кончиться куцей антиимпериалистической революцией со стороны кемалистов, то здесь, в Китае, борьба с империализмом должна принять глубоко-народный и ярко-национальный характер и должна углубляться шаг за шагом, доходя до отчаянных схваток с империализмом и потрясая самые основы империализма во всем мире». (Сталин, *Революция в Китае и ошибки оппозиции*, стр. 19—20.)

К этому остается лишь добавить, что в Турции по беда национальной революции была, в конечном итоге, обеспечена отчасти благодаря разгрому Оттоманской империи в империалистической войне, благодаря потере 2/3 территории и 3/5 населения. Хотя это может быть звучит парадоксом, но тем не менее это так. Турция в результате войны потеряла те территории, которые, как мы в соответствующем

месте отмечали, экономически к основному ядру государства — Анатолии — не тяготели, и то население, которое по национальному своему признаку не было турецким. Лишение того и другого привело к консолидации сил национальной буржуазии, которая была бы не в силах ни отстоять границ старой империи, ни экономически ею (империей) овладеть. Национальное объединение в Турции было, таким образом, объективным результатом ее территориальных потерь. Конечно, и туркам пришлось выдержать отчаянную борьбу за свою независимость, но для империализма Анатолия не была главной целью, он в это время был занят грызней вокруг награбленного и его перевариванием. В Китае же путь национального объединения лежит только через очищение всех территорий, фактически занятых иностранным капиталом.

Нарождающаяся в Турции национальная буржуазия не имела никаких серьезных связей с иностранным капиталом, агентами его выступали национальные меньшинства, захватившие в свои руки всю посредническую торговлю. В Китае роль посредников между иностранцами и внутренним рынком выпала на долю самих китайцев. Через компрадоров китайская буржуазия связана с иностранным капиталом, вследствие чего тенденции к компромиссам с империализмом совершенно неизбежны с ее стороны.

Турецкая революция могла победить при гегемонии буржуазии еще и потому, что последней удалось самой создать революционную армию. В Китае наемный характер армии, служащей слепым орудием

в руках милитаристов и управляемой притом в своей значительной части реакционным и невежественным офицерством, в корне отличает ее от армии предреволюционной Турции. В Китае подлинная революционная армия может быть создана лишь на основе полного разрушения старой, — отказывающейся служить даже буржуазии. В доказательство этого стоит только сослаться на пример из истории последнего года. Переворот Чан-Кай-Ши, казалось, предал армию в руки того класса, выразителем интересов которого он являлся. Но не проходит и несколько месяцев, как фактическая власть в Нанкине, а потом и в Ухане переходит к чисто реакционным элементам. Когда пишутся эти строки власть в Нанкине вместе с влиянием в Гоминдане находится в руках гуансийцев. (Начало декабря 1927 г.)

Последние еще при Сун-Ят-Сене были милитаристским наростом на теле революционной армии и Гоминдана; в их формуляре числится не одно восстание против революционного правительства юга; это они были верным оплотом гуандунских помещиков против крестьянских движений. Есть только один путь к созданию революционной армии в Китае — путь через Красную рабочую гвардию, обрастающую революционными крестьянскими отрядами. Только в крестьянской войне, руководи мой рабочим классом, может выковаться армия, способная до конца бороться за дело национального освобождения и национального объединения, т. е. и против империалистов и против милитаристов. Но это есть путь аграрной революции. Буржуазия от него

решительно отвернулась и тем самым выпустила из своих рук единственную возможность обрести для своей революции вооруженную силу. (Мы этим вовсе не хотим отрицать ту революционную роль, которую сыграли в Китае армии кантонского правительства, хотя и организованные по старому образцу. Но эта роль в основном кончилась вместе со вторым этапом революции (т. е. с контр-революционным переворотом Чан-Кай-Ши, изменой Фьш-Юн-Сяна и всей у ханской группы).)

Прямую противоположность Турции представляет Китай с точки зрения роли пролетариата. Там почти полное его отсутствие, здесь, хотя и малочисленный, но боевой, концентрированный в нескольких районах пролетариат, сумевший завоевать место руководителя в национально-освободительной борьбе. Именно появление пролетариата в качестве активной силы должно было отбросить и отбросило китайскую буржуазию в лагерь реакции. Для буржуазии гораздо легче примириться с своей подчиненностью иностранному капиталу, чем пойти на серьезные уступки рабочему классу своей страны, в движении которого она естественно видит угрозу самому своему существованию.

Буржуазия всегда оказывается неспособной довести до конца свою революцию там, где уже имеется пролетариат, сформированный в класс. Так было в революции 1905 г. в России, так было и в более ранний период буржуазной революции 1848 года в Германии. Кстати, можно усмотреть некоторую аналогию между китайской революцией нынешнего дня и германской

— 1848 г. И там и здесь национальное объединение стало объективно необходимой ступенью исторического развития. Германия, как и современный Китай, стояла перед дилеммой: объединение сверху или снизу. И если в Германии, в конце концов, победил первый путь, то лишь благодаря тому, что за дачи, стоявшие перед германской революцией, по раз маху своему далеко уступали тем, которые стоят перед "революцией китайской. В Германии не было ни иностранного гнета, ни столь сильных, как в Китае, феодальных пережитков. К тому же империя Бисмарка была создана в момент наивысшего расцвета капиталистической системы. Ближайшее будущее было еще в тот период за буржуазией.

В Китае национально-буржуазная революция про исходит в такую эпоху, когда единственным прогрессивным до конца классом является пролетариат. Лишь он один, в союзе с крестьянством и возглавляя его, сможет довести до конца буржуазную революцию, вопреки самой буржуазии. Последняя для достижения этой самой цели должна была бы выдержать отчаянную борьбу на два фронта: против всех реакционных сил, включая и империалистический блок, с одной стороны, и против объединенного рабоче-крестьянского фронта — с другой. Разумеется, что такая титаническая борьба была бы не под силу не только слабой китайской буржуазии. Став перед необходимостью сделать выбор, китайская буржуазия, как и следовало ожидать, выбрала лагерь империалистической и полу

феодалной реакции, заняв в нем особое положение соответственно ее специфическим интересам.

Кемалистский путь развития есть, по существу, как мы могли убедиться на примере Турции, путь, направленный, на другой же день после победы над старым порядком, против рабочего класса и крестьянства, — путь, исключаящий самую возможность аграрной революции. Допустим на минуту, что и в Китае революция пошла по кемалистскому пути, т. е. сама буржуазия изгнала империалистов, сокрушила милитаристскую систему внутри страны и объединила ее железной рукой, успешно сопротивляющейся также всяким поползновениям слева. Это означало бы, что Китай стал на путь самостоятельного капиталистического развития.

Но о возможности самостоятельного капиталистического развития Китая, как о неизбежном результате национальной революции, можно говорить лишь в плане отвлеченного рассуждения. Практически и капиталистическое развитие Китая натолкнулось бы на весьма серьезное препятствие. Дело в том, что процесс загнивания капитализма, свойственный, казалось, странам старого капитализма, коснулся и Китая и в еще более сильной форме дал бы себя знать в случае победы китайской буржуазии.

Освободившись от иностранного гнета, китайские капиталисты, благодаря необычайной дешевизне рабочих рук и естественным богатствам, имели бы широкие производственные возможности. В погоне за

прибавочной стоимостью они до-нельзя раздули бы производственный аппарат и сразу натолкнулись бы на немощность внутреннего рынка, т. е. они стали бы (и уже стоят) перед той же язвой, которая разъедает тело капитализма во всем мире — перед диспропорцией между производственными возможностями и емкостью рынка. В Китае эта диспропорция чувствовалась бы наиболее остро, ибо там, в среднем, на душу падает несколько долларов дохода в год.

Короче говоря, вне аграрной революции, которая покончила бы с классической китайской нищетой, не может быть создана база для гармоничного развития производительных сил внутри страны. Аграрная же революция может победить лишь под руководством пролетариата и против буржуазии. Отсюда неизбежность дальнейшего перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Китайская экономика при этом была бы переведена на путь некапиталистического развития.

Общий рост производительных сил был бы тогда, на первых порах, возможно, более медленным, чем при капиталистическом пути, но зато этот рост соответствовал бы общему росту благосостояния крестьянских и рабочих масс, он имел бы все преимущества планового хозяйства. При наличии СССР, т. е. страны поднимающегося социализма, а также при Помощи международного пролетариата Китай имеет все шансы стать на этот второй путь, который, как мы видели, не только возможен

политически, но и экономически, с точки зрения развития производительных сил, наиболее целесообразен. Нам кажется, что с гораздо большим правом можно говорить об утопичности плана самостоятельного капиталистического развития Китая, т. е. о кемалистской революции, чем о перспективе некапиталистического развития страны, ничего утопического в себе не заключающей и объективно наиболее неизбежной.

Перед Китаем лежат два пути: либо в ближайшей решительной схватке между лагерем реакции и лагерем революции победа останется за реакционным блоком; в этом случае буржуазия должна будет примириться с ролью придатка к иностранному капиталу и с сохранением в основном полуфеодальных пережитков в стране. При этом, разумеется, ей, как важнейшему участнику блока, удалось бы вырвать кой-какие уступки и со стороны империалистов и со стороны внутренних реакционных классов, но ни одна из величайших задач, стоящих перед китайской революцией, не была бы решена полностью. Либо победа останется за революционным блоком, тогда результатом будет полное завершение буржуазно-демократической революции и неизбежное за ним движение к социализму.

Третьего не дано. Путь кемалистской революции для Китая исключен.